ТРИЖДЫ СУДЬБА

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

Трижды судьба
Фриц Ройтер Лейбер

Аннотация
Фриц Лейбер. Трижды судьба
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14

Аннотация

Торн и Клоули два друга, в руках которых будущее их мира. У них собралось достаточно доказательств, одно из них говорит о том, что большинство людей видят свои сны на одном ландшафтном фоне… результатом таких снов становится провал в памяти. Осталось только одно…предоставить доказательства вторжения чего то необьяснимого в их мир, Всемирному Комитету…

Фриц Лейбер. Трижды судьба

Повесть

Глава 1

Холодное, зеленовато-голубое мерцание, подобное северному сиянию, медленно затухало вместе с последними аккордами Четвертой симхромии Ходерсона «Игдраэшл». И опять действие на громадной сцене вращалось вокруг темы пробуждения человеческой цивилизации — вокруг дерева жизни, корни которого тянулись и в небо, и в ад; вокруг змей, обгладывающих эти корни, и вокруг богов, любой ценой желающих сохранить жизнь такого дерева.

Торн слегка наклонился вперед: его рука выскользнула из-под широкого пальто и схватила пучок травы. Запястье дрожало. Он мучительно переживал факт, ставший известным ему: легенда об Игдраэшле точно соответствовала гипотезе, которую он и Клоули собирались представить Всемирному Комитету.

Да, дело с корнями обстояло именно так, и если гипотеза соответствует истине, то змеи, что гложут эти корни, — не просто обыкновенные змеи.

Кроме того, здесь не было богов, борющихся на стороне добра: в данной ситуации выступали два слабых человека.

Торн бросил взгляд на лица зрителей — они казались застывшими масками, отчего его слегка передернуло.

Между ним и Клоули протиснулась темная скрюченная фигура, и в последних вспышках света на сцене, символизировавших гибель Вселенной, Торн поймал короткий взгляд старого величественного лица с затененным высоким колпаком лбом. При виде этой личности он невольно вспомнил своего знакомого, который как-то шутя сказал, что некоторые темные личности средневековья каким-то образом смогли продлить свою жизнь и что они живы и сейчас.

Незнакомец и Клоули о чем-то пошептались.

Торн почувствовал напряжение. Казалось, на него давят звезды из бесконечной дали, и он потерял ориентацию во времени.

Его рука, как ему представлялось, протянулась вперед, ощупью коснулась мягкой ткани и обхватила маленький предмет размером с яйцо. Незаметным движением он вынул предмет и сунул его в свой карман.

Бурные аплодисменты постепенно стихали, и Торн растерянно уставился перед собой. Он подсознательно понимал: им совершена будто бы совершенно немотивированная кража.

Торн растерянно огляделся. Высокая фигура старика исчезла в толпе зрителей. Пальцы Торна все еще сжимали предмет, который он только что присвоил. Эта вещь не была ни драгоценным камнем, ни редким куском металла и уж конечно ни яйцом, хотя все-таки в данном предмете содержалось что-то необычное.

У Торна еще оставалась возможность догнать старика и вернуть ему украденный предмет, кратко и вежливо объяснив причину своего поступка, но Торн не предпринял ничего.

Внезапно из сутолоки уходящих из зала зрителей до него донесся знакомый голос.

— Ох, вот это действительно была вещь! — с сарказмом заметил Клоули. — Может быть, данный предмет как-то связан с сегодняшним нашим намерением?

— Кто сейчас разговаривал с тобой? — без обиняков спросил Торн.

— А, это психолог, я нашел его несколько месяцев назад, когда меня мучила бессонница. Ты, наверное, помнишь?

Торн коротко кивнул и в нерешительности остановился. Клоули легонько ткнул его локтем в бок.

— Пойдем, уже поздно, а у нас еще столько дел

на сегодняшний вечер.

Они оба направились к выходу.

Клоули был маленьким жилистым мужчиной и, судя по внешности, мог принадлежать к семейству Борджиа или Медичи времен далекого средневековья. Он производил впечатление юркого рыжего сатаны, но посвятившего себя благой цели.

Торн же был значительно выше и крепче, но и он мог олицетворять фигуру мрачного средневековья; правда, в данном случае уместно сравнение его только в роли Савонаролы или Да Винчи.

В те былые времена оба могли стать непримиримыми врагами, сегодня же их лояльная дружба не вызывала сомнений.

По какой-то необъяснимой интуиции можно было понять: их взаимное доброжелательство основано не только на простой дружбе. Было очевидно, что они знали какую-то тайну, которая поглощала все их силы и тяжким бременем лежала на их плечах.

Оба они выглядели немного уставшими. Под глазами Торна проступали темные тени, у Клоули было заметно нервное подергивание в уголках рта.

Большая часть зрителей уже добралась до своих летательных аппаратов с субтронными двигателями, и те роем поднялись в черное небо. Мощность этих двигателей феноменальна, она способна уничтожить всю Землю, но, к счастью, ее использование направлено на благо людей. Два друга уселись в своем аппарате, и Торн огляделся по сторонам. Он наслаждался красотой этой ночной картины, так как достаточно хорошо знал скрытую опасность, что угрожала стране. Его взгляд скользил по устремленным вверх ярко освещенным небоскребам: каждый из них обеспечивал приют целому городу. Вдали за зданиями мерцал Опаловый Крест, а маленькие летательные аппараты казались светлячками в ночи.

— Ну? — коротко спросил Клоули, когда колпак их аппарата захлопнулся.

Они взлетели, настроение было приподнятым: будто они участвовали в первой межпланетной экспедиции, которая несколько дней назад направилась к Марсу. Целью их пути был Опаловый Крест.

Глава 2

Клоули медленно поднялся, чтобы начать свой доклад Всемирному Комитету. В такие ответственные для него мгновения в уголках его губ всегда блуждала еле заметная дьявольская улыбка.

Но он сразу же стал совершенно серьезным.

— Итак, господа, вы слышали высказывания экспертов, а также в курсе, почему эти высказывания были сделаны, причем совершенно независимо друг от друга. Таким образом, вы теперь знаете об опасности, которая, как мы с Торном думаем, угрожает нашему миру. Вам известно также о нашем предложении ускорить проведение научных исследований. Теперь все зависит от вашего решения. Я только прошу позволения обратить ваше внимание на некоторые существенные пункты.

В самом высоком зале Опалового Креста воцарилась глубокая тишина. Это был гигантский зал, и выгнутый стеклянный купол простирался от карты мира, висевшей на южной стене, до карты Галактики на северной.

Взгляд Клоули медленно скользил над людь-

ми, собравшимися вокруг длинного стола. На лицах Конджерли и Темпельмара угадывался откровенный отказ. Выражение лица Файрмура, напротив, выдавало глубокую веру. Правда, от него и нельзя было ожидать иного, поскольку, с одной стороны, он был шефом всего, что касалось космических полетов, а с другой, он относился к самым горячим почитателям Клоули. Председательствующий Шилдинг, чье мнение при голосовании ценилось выше остальных, смотрел несколько скептически, но это и неудивительно, ибо он по своей натуре был скептиком.

Остальные присутствующие слушали с напряженным вниманием. Закончив доклад, Торн, казалось, погрузился в свои мысли.

Клоули инстинктивно чувствовал, что окончательное решение еще не принято: теперь все зависит от его доводов.

Его рука коснулась миниатюрного пульта, и на карте мира тотчас вспыхнули тысячи крохотных зеленых огоньков.

— Перед вами распределение кошмаров у людей сто лет назад; отдельные расчеты, сделанные выборочно, подтверждаются с предельной точностью. Каждая светящаяся точка на карте представляет внушающий ужас кошмар, отче-

го любой из этих пребывавших во сне людей проснулся в холодном поту.

Клоули включил другой выключатель. Какие-то огоньки перегруппировались, создав другой узор, но их количество почти не изменилось.

— Вот что было пятьдесят лет назад, — сказал Клоули. — А это — сорок лет назад.

Огоньки опять перегруппировались.

— Наконец — тридцать лет назад.

В последний момент количество огоньков будто бы несколько увеличилось.

Клоули помолчал.

— Я хотел бы, господа, напомнить вам, — продолжил он, — что Торн уже ответил вам на все относящиеся к этой проблеме вопросы: теперь не может быть сомнений ни в одном факте.

Клоули снова положил руку на пульт. Светящиеся группы точек увеличились.

— Двадцать лет.

— Пятнадцать лет.

— Десять лет.

— Пять лет назад.

На последней схеме группы светящихся точек стали обширнее и, совершенно очевидно, с одинаковой плотностью покрыли все континенты. Разрозненные огоньки были видны даже в Ми-

ровом Океане.

Вдруг рядом вспыхнувшие огоньки как бы прыгнули в лица присутствующих.

— Перед вами, господа, схема, отражающая настоящее время. — Вот так выглядят наши ночи, — спокойно начал Клоули. Он помолчал, чтобы усилить впечатление от схемы с зелеными огоньками. — Эти сведения не должны быть для вас новыми, — продолжал он, — так как каждый из нас хоть раз видел страшный сон. Что же касается моего собственного опыта в этой связи, то я целиком и полностью могу подтвердить сообщение Торна.

Он выключил световое изображение карты.

— А теперь я хотел бы привлечь ваше внимание к другим доказательствам, а именно, к постоянно усиливающейся бессоннице у людей. Перейдем ко второму выводу Торна; данное умозаключение поразительно просто; остается только удивляться, как такой факт мог остаться незамеченным до сих пор. Сравнение Торном отдельных снов безупречно доказывает, что во всех без исключения снах действие происходит на том же самом ландшафтном фоне.

Он оглядел аудиторию.

— Именно это просто поразительно. Мне ка-

жется, что Торн в своем кратком сообщении остановился на данном пункте недостаточно подробно. Вам стоило бы хоть разок увидеть гигантский объем материала, имеющийся в его бюро. Задумайтесь: существует бесчисленное множество людей, которые территориально живут далеко друг от друга, но все они в одно и то же время видят сны. О, нет, у них не одинаковые сны, что можно было бы объяснить телепатией или массовым внушением, но ландшафтный фон в снах одинаков у каждого человека. Будто любой человек рассматривает наш мир через одно и то же окно!

Его слова встречались молчанием пораженной аудитории. Две-три морщины на лбу Конджерли проступили отчетливее, казалось, он приготовился возразить, но его опередил Темпельмар.

— Я не уверен, что из объяснений моего коллеги следует заключить, что не использовались какие-то формы телепатии, — сказал этот стройный мужчина с высоким лбом и покрасневшими вокруг глаз веками. — В принципе, речь ведь идет о гипотезе, о факте, о котором мы не так уж много знаем. Возможно, между описанными в сообщении Торна людьми существует какая-либо взаимосвязь, скрытая пока от нас. Не исключено,

что они передают свои кошмары друг другу и таким образом создают массовое внушение.

— Я в это не верю, — возразил Клоули. — Меры предосторожности, принятые Торном, были на должном уровне. Кроме того, я считаю совершенно невероятной передачу людьми своих снов-кошмаров друг другу.

— Но ведь мы же, — продолжал Темпельмар, — не имеем ни малейшего представления о том, что может скрываться за этим феноменом. Вероятно, все это происходит из-за влияния субтронных сил, которые были открыты около тридцати лет назад.

— Совершенно верно, — сказал Клоули. — Давайте пока оставим в покое сны со странными совпадениями и вызванные неясной причиной. А я тем временем обращусь к сути всего комплекса проблемы — возникающая амнезия и провалы в памяти.

Конджерли опять словно собрался возразить, но Темпельмар снова коротким взмахом руки заставил его промолчать.

Клоули вновь включил схему. На карте мира вспыхнуло несколько сот желтых огоньков, рассеянных большей частью группами из двух-трех точек.

— В данном случае нам нет нужды возвращаться в прошлое на пятьдесят лет, ибо данная драма разыгралась совсем недавно, и записи психиатров еще свежи. Все эксперименты свидетельствуют, что в этом случае речь идет о совершенно новом виде нарушения памяти. Первые признаки такой болезни обнаружены всего лишь два года назад. — Клоули повернулся к карте.

— Каждый из этих желтых огоньков представляет отдельный случай провалов в памяти. Совершенно нормальный во всех отношениях человек вдруг просыпается и перестает узнавать членов своей семьи и самых близких друзей. Пострадавший утверждает, в противоположность всем приводимым доказательствам, что перед ним совершенно незнакомое существо, занимающее место незнакомого существа-близнеца. Конечно, известны только те случаи, когда пострадавший обращался к психиатру. Иногда лечение у психиатра дает существенное улучшение, но во многих случаях люди упорствуют в своем разъединении со своим обычным окружением: когда же это муж с женой, дело обычно доходит до развода. А теперь я перехожу к амнезии: мне придется переключить схему.

Желтые огоньки исчезли, их на карте заменили фиолетовые светлячки, которые поодиночке были рассеяны по всей карте.

— Амнезия в большинстве случаев начинается временными провалами в памяти. Пострадавший запирается в своих четырех стенах на несколько дней и старательно изучает имеющиеся у него бумаги и документы, касающиеся его собственной персоны. Часто ему удается заполнить провалы памяти таким образом. Подобные случаи становятся известны нам только тогда, когда пострадавший вдруг перестал узнавать свою семью и ближайших друзей и против своей воли направляется под надзор психиатра. Конечно, он не может дать ни малейших объяснений причин, приведших к амнезии.

Клоули огляделся.

— Таким образом, я хочу подойти к пункту, господа, который эксперты, согласно моему особому желанию, еще не комментировали. Право на разъяснение этого вопроса я оставил за собой: он может послужить отправной точкой исследования. Речь идет о связи между амнезией и провалами памяти.

Он выдержал короткую паузу, чтобы усилить эффект своих доводов.

— На этот раз я включу сразу оба проектора. При этом вы наглядно увидите те случаи, когда возникает как амнезия, так и провалы в памяти: вы же сами знаете, что происходит, если желтый цвет смешивается с фиолетовым.

Пальцы Клоули забегали по клавиатуре. За исключением немногих желтых точек, все огоньки теперь стали белыми.

— Вот вам информация о красках, господа, — спокойно сказал Клоули. Напряжение в зале усилилось, и он слегка наклонился вперед. — Этот феномен, как мне кажется, означает угрозу безопасности нашего мира. Данная проблема должна быть немедленно и основательно изучена.

Тут не спеша поднялся Конджерли.

— У нас за плечами прекрасный опыт развития человечества, — раздраженно сказал он, — надо полагать, нам нет нужды заниматься теперь злобными врагами цивилизации, то есть суевериями. Тем не менее я вынужден вернуться к досадным выводам этого господина, которого мы до сих пор терпеливо слушали. Он хочет объяснить случаи амнезии и провалов в памяти какой-то дьявольской теорией! — Конджерли посмотрел на Клоули. — Или я вас неверно понял? Клоули

резко кивнул головой.

— Нет. Я твердо убежден, что сознание наших граждан подвергается воздействию странных сил, которые хотят таким способом твердо закрепиться на Земле. Что же касается вопроса о том, какова природа данной силы и откуда она могла появиться, то я не могу ответить. Во всяком случае, из представленных Торном исследований следует: эти загадочные существа должны быть родом из мира, очень похожего на наш. По характеру действия этих загадочных существ — тайное отрицательное воздействие на наше сознание — можно сделать вывод: они настроены к нам враждебно. Мне нет нужды подчеркивать, что в наш век субтронной техники даже малочисленная группа подобных существ может представлять опасность для существования Земли.

Конджерли снова сжал кулаки.

— Мы материалисты, господа, и твердо убеждены: всякому феноменальному явлению можно найти объяснение. Ведь наша материалистическая основа и сделала возможным современное техническое развитие. Я, конечно, не отсталый ретроград и не отвергаю новые теории. Но если эти теории базируются на древнейших суеве-

риях человечества, если этот господин своими историями о загадочных существах, угрожающих человечеству, хочет нагнать на нас страху, если он хочет призвать нас к грандиозной охоте на ведьм, если он приводит сюда коллегу, — Конджерли скользнул мрачным взглядом по Торну, — который занимается исследованием кошмаров, то я вынужден все же сказать: плохи дела с нашим материализмом, ибо с таким же успехом мы могли бы отдать будущее Земли в руки каких-нибудь фокусников или предсказателей.

Клоули от такого выступления на какой-то момент потерял дар речи, но быстро снова овладел собой.

В голосе Конджерли появилась язвительная ирония.

— Может быть, сэр, ваши люди уже теперь устраивают охоту на ведьм, вампиров и демонов, прибегая ко всяким заклинаниям и прочим мистическим средствам?

— Вам нужно обратиться к здравому смыслу, — спокойно парировал Клоули.

Конджерли глубоко вздохнул, его лицо покраснело, и он бросился в наступление. В этот момент поднялся Темпельмар и будто нечаянно задел

Конджерли рукой.

— Давайте прекратим ссору, — предложил он примирительно, — Конечно же доводы нашего гостя находятся в некотором противоречии с нашим материалистическим мировоззрением, но все же наша задача — охранять мир от опасности, будь она даже самой невероятной и необъяснимой по происхождению. Согласно теории нашего гостя, загадочные существа собираются захватить Землю. Но все же некоторые доказательства представлены, и нам нужно подождать, может, удастся выработать другую теорию относительно возникновения подобных явлений.

— Другие теории уже были представлены и отброшены как неверные, — резко возразил Клоули.

— Конечно, — Темпельмар ухмыльнулся. — Это же научный прогресс, который никогда не кончается, верно ведь?

Он сел, Конджерли последовал его примеру.

Клоули чувствовал неприкрытое неприятие своих выводов со стороны этих двух ученых — они сейчас казались ему врагами.

Неужели он здесь совершенно одинок? Клоули взглянул на скептически ухмыляющиеся лица присутствующих. И даже Торн, на чью помощь и

поддержку он так рассчитывал, видимо, впал в странный сон.

А сам он, Клоули, разве не сомневался в том, о чем только что здесь докладывал?

Торн неожиданно встал и молча зашагал из зала. Его походка напоминала походку лунатика. Несколько человек с любопытством посмотрели ему вслед. Конджерли украдкой кивнул, и Темпельмар улыбнулся.

Клоули взял себя в руки.

— Ну, господа?

Глава 3

Торн, словно во сне, пикировал вниз в высокой шахте к первому этажу, чтобы покинуть здание.

Выход был условной границей этой гигантской метрополии, которая помещалась в этом огромном здании. Перед глазами Торна простирался широкой полосой темный лес. Рядом с оставленными на террасе летательными аппаратами стояла молодая пара влюбленных. Они моментально отодвинулись друг от друга и недоуменно посмотрели ему вслед. Торн, покачиваясь, брел дальше и теперь был похож на паломника или крестоносца, запутавшегося в религиозных догмах.

В следующее мгновение он скрылся в лесу.

В странном состоянии — одновременно погружение в сон и бодрствование — он продвигался по лесной дороге. Перед его взором всплывали старые воспоминания. Там где-то было его детство, все прошлые желания и надежды, студенческие годы с Клоули, работа. Торн непроизвольно подумал об инциденте в зале Опалового Креста, который он только что пережил. И как-то вдруг возникла мысль: он ведь бросил в беде своего

друга; но все это сейчас не имело никакого значения, считал он.

Да, все потеряло значение, важным оставалось лишь одно — следовать этому тянувшему его с неодолимой силой импульсу.

Лесная тропа была узкой, и Торну пришлось раздвинуть несколько свисающих веток. Все представлялось ему чем-то нереальным.

И тут вступил в свои права мир его снов — мир, который с давних пор повелевал его жизнью и привел его к выбранной теперь профессии. Это был мир, где всегда подстерегали опасности. В том мире жил другой Торн, Торн, который ненавидел его и завидовал ему; он мог думать о нем только с чувством глубокой вины.

Этот другой Торн постоянно как фантом пересекал его жизненный путь и появлялся ночами во всех его снах. Пока он сам счастливо и беззаботно жил в своем детстве, когда каждый день приносил новые и прекрасные приключения, другой Торн познал страх и жестокий гнет. Когда он переживал счастье первой любви, другой Торн был силой разлучен со своей молодой женой.

День за днем, месяц за месяцем, год за годом два параллельных мира существовали одновременно.

Торн знал ощущения другого Торна едва ли не лучше своих собственных, и все же видения представлялись какими-то расплывчатыми, какие обычно возникают и присутствуют во сне. Будто он видел сны другого Торна, а тем временем тот Торн с помощью какой-то дьявольской махинации переживал его сны и все больше и больше его ненавидел.

Это чувство вины по отношению к другому Торну было самым значительным в его ощущениях.

И пока Торн кружил по узкой лесной тропинке, перед ним появилось его собственное лицо.

Ветки хлестнули его по лицу, он споткнулся о корень. Рука скользнула в карман, схватив предмет, украденный у таинственного незнакомца, разговаривавшего с Клоули. В темноте невозможно было разглядеть окраску предмета, но Торн был абсолютно уверен, что он еще никогда не видел такой вещи.

Вдруг ему пришла в голову мысль: ведь такой странный предмет мог состоять из одной-единственной молекулы. Фантастично, но все же возможно, что атомы сцепились, приняв такую гигантскую форму.

В одной такой молекуле должно быть больше атомов, чем солнц во всей Вселенной.

Сверхгигантские молекулы были основой жизни — гормоны, движущие силы и носители наследственного фактора. Какие двери можно открыть при помощи такой сверхгигантской молекулы?

Одно лишь мимолетное представление об этом рисовало ужасную картину! Торн решил было выбросить лежащую в кармане штуку, но потом все же снова засунул ее обратно.

Зашуршали листья. Посреди тропинки сидела большая кошка и, фыркая, смотрела на него. Кошки были приучены человеком на заре человеческой цивилизации, однако они вернулись в природу и начали снова дичать.

Тропинка раздвоилась; Торн выбрал одно ответвление: по этой дорожке он углубился в темный лес, расстилавшийся перед ним угольно-черной бесконечностью.

Понять действительность было не так просто, как ему представлялось сначала. Основа ее создавалась разными путями и простиралась во множество миров, далеко за пределы нашего мира.

Торн ускорил шаги; опять перед ним показалось, возникло бледное лицо — его собственное лицо! Да, это было лицо другого Торна, знакомое

ему по его снам. Оно будто какой-то магической силой тянуло его в далекие незнакомые миры.

С храбростью отчаяния Торн продолжал свой путь.

Он должен встретить другого Торна и расквитаться с ним окончательно. Непонятно, как он сам был тем, другим Торном, а тот, другой Торн, был им самим.

Опять по лицу хлестнули ветки.

Перед Торном постоянно маячило другое лицо.

У него мелькнула мысль, что и другие люди задолго до того, как он это испытал сам, переживали то же самое. Загадочное существо снова пыталось укрепиться на Земле.

Он подумал о Клоули, которого так позорно покинул, бросив на произвол судьбы.

Но теперь Торн был совершенно безвольным существом, бредущим с вытянутыми вперед руками по узкой лесной дороге.

Он поднялся на небольшую возвышенность, скользнув взглядом по стоящему вдали ярко освещенному небоскребу. Наверное, это последний прощальный взгляд.

Силы его были на исходе.

Задыхаясь, Торн перешагнул порог безбрежной темноты, молча остановившись с безвольно бол-

тающимися руками.

Откуда-то, возможно, из глубин его души, из его чрева, донеслось раскатистое эхо из смеха, смеха с издевкой.

Глава 4

Клоули, скорчившись в своем летательном аппарате, несся к верхним этажам Голубого Лорена. По спине пробегала холодная дрожь. Вообще-то ему давно надо было бы отдохнуть дома, хотя бы немного привести в порядок свои мысли.

Или, может быть, ему прямо сию минуту надо было начать поиски Торна.

Он был настроен и морально подготовлен сначала выполнить эту задачу, иначе не сможет успокоиться, а потом остальные дела.

После исчезновения Торна сцена в зале Опалового Креста представляла собой гигантское сборище людей, повергнутых и разочарованных. Они должны быть довольны хотя бы тем, что могут продолжать работу.

Приговор Комитета, отвергающий гипотезу Торна, пошатнул уверенность всех присутствующих, особенно членов Комитета. Каждый, сидевший на сцене, чувствовал себя побитой собакой.

Почему, черт побери, Торн так неожиданно покинул собрание? Может, он действительно испытал гипнотическое внушение? Ведь он вы-

плыл из зала, словно лунатик: именно этот факт больше всего взволновал Клоули.

Торн вообще был странным парнем. Даже после долгих лет знакомства с ним Клоули считал его поступки непредсказуемыми.

Если Торн сбежал, то что-то стряслось по вине Клоули…

Аппарат немного качнуло, и Клоули был вынужден сосредоточиться, чтобы придерживаться выбранного маршрута.

Он невольно задавал себе вопрос, удалось ли ему незаметно покинуть Опаловый Крест. Кое-кто из собравшихся хотел с ним поговорить. Теоретические выкладки, как мог, поддерживал Файрмур, но и он, безусловно, хотел уточнить некоторые подробности, однако Клоули все-таки удалось ускользнуть из зала.

А если кто-то направлял его по этой дороге?

Замечание Конджерли о предсказателях могло быть чисто случайным, и все же оно очень ранило Клоули. Если Конджерли и Темпельмар догадались, что он задумал, тогда все пропало!

Было бы лучше отказаться от этого плана или по крайней мере отложить его.

Нет, слишком сильным было внутреннее чувство долга. Его какой-то магической силой влекло

высокое здание Голубого Лорена.

В голове роились мысли. Зеленые огоньки на карте мира — зелень и голубизна Игдраэшла. В каком мире Ходерсон нашел прообразы своего произведения?

А существовало ли воздействие загадочных существ, которому он, как ему казалось, тоже подвергался?

Прямо перед ним возвышалось гигантское здание Голубого Лорена. Верхняя часть купола всегда мерцала от зноя, даже когда на поверхности Земли не царила летняя жара. Повсюду были налицо признаки пробуждающегося дня. На наружных стенах здания прилипло множество грузоподъемников, разгружавших или принимавших груз. Около одного из люков находилась толпа детей, направляющихся в школьное отделение.

Клоули на мгновение завис над посадочной площадкой, а затем быстро приземлился, как птица. Дыхание прерывистое, в ушах звон, и он потер уши и щеки окоченевшими ладонями. Возможно, ему следовало бы войти в здание через главный вход внизу, но нетерпение заставило его выбрать этот путь.

Субтронная энергетическая волна пронесла Клоули около четверти мили над одним из глав-

ных входов; именно оттуда он направился в помещение психологов.

Дорогой он украдкой осматривался по сторонам. Опять в нем поднялись сомнения. А если Конджерли прав? Если все доказательства действительно основаны только на суевериях? Если мнение об угрозе миру, высказанное Комитету, базируется лишь на неверном толковании предложенных доказательств?

Клоули вдруг показался сам себе шарлатаном; он засомневался, не лучше ли на самом деле сейчас же повернуть назад.

Но внутренняя убежденность перевесила. Какую-то деталь ему нужно выяснить любой ценой!!

Перед дверью он остановился, но тут же, не задумываясь, перешагнул порог, направляясь к письменному столу, за которым сидела неподвижная, одетая в черное фигура.

Лицо Октава казалось очень старым; это впечатление усиливалось от белоснежных волос, впалых морщинистых щек и глубоких морщин под глазами. Мысли Клоули невольно обратились к глубоким пластам истории средневековья, когда рыцари в латах устраивали турниры, а народ передавал из уст в уста легенду об элик-

сире, который мог обеспечить вечную жизнь. Он припомнил имевшие место слухи, согласно которым Земля время от времени посещалась одетыми в темное людьми, обладавшими этой самой вечной жизнью.

Клоули медленно сел на стул.

— Я вижу сопротивление твоей теории, — сразу начал Октав. — Это сопротивление со стороны членов Всемирного Комитета всю ночь доставляло тебе хлопоты. Речь идет о проблемах, которые мы с тобой обсуждали во время симхромии. Я вижу людей, сомневающихся в твоей теории и не желающих поддаваться влиянию твоих убеждений. Я представляю отчетливо двоих оппонентов, резко противопоставляющих себя тебе, но я не могу понять мотивы их поведения. Я вижу, как ты потерял самообладание, когда тебя бросил на произвол судьбы твой друг. И теперь ты хочешь сдаться.

Обо всех этих поступках, подумал Клоули, он мог узнать совсем просто, установив наблюдение. И все же такое фантастическое видение и умение читать мысли и сегодня производило на него впечатление, точь-в-точь как в тот самый день, когда он впервые увидел Октава в особом одеянии в качестве психолога.

Клоули опустил глаза под воздействием взгляда Октава.

— Ну, как дела с будущим миров? — сдержанно спросил Клоули, совсем обыденно, как это может прозвучать только в этой комнате. — Видишь ли ты что-нибудь отчетливое?

— Лишь схематические сны, — бесцветным голосом ответил Октав, — загадочные существа в образе людей проникают на Землю и готовятся к удару. Но откуда они и когда вторгнутся, я ничего не могу сказать. Твоя попытка убедить других в существовании этих инопланетян только усилила эту опасность.

Клоули, вздрогнув, немного выпрямился. Вопрос о Торне готов был сорваться с языка, но он сдержался.

— Послушай, Октав, мне обязательно нужно побольше узнать у тебя об этих существах. Ты, очевидно, что-то от меня скрываешь. И если я по твоим скрытым намекам все-таки выберу путь, а потом узнаю от тебя, что я ошибся, мне придется худо. Ты должен подробно описать, в чем состоит эта угроза. Сделай это ради блага человечества.

— И вызвать силы, которые уничтожат нас? — Октав пристально смотрел на него. — Внутри миров есть другие миры, как колеса, вложен-

ные в колеса. Я и так сказал слишком много, об остальном я умалчиваю в интересах твоей же безопасности. Кроме того, действительно есть вещи, которых я не знаю и которые скрыты даже от Великих Экспериментаторов. Кстати, мои предположения могут быть далеки от истины, даже дальше, чем твои.

Мысли Клоули вертелись вокруг одной темы: кто такой Октав и что может скрываться за этой античной маской? Что скрывается за масками Конджерли и Темпельмара? За маской Торна? За его собственной маской? Есть вещи, которые скрыты даже от собственного сознания. Какое будущее ожидает этот мир масок?

— Так что же мне делать, Октав? — устало спросил он.

— Я тебе уже не раз говорил, — ответил Октав. — Ты должен подготовить свой мир к любой неожиданности. Мобилизовать все силы и оружие, чтобы не быть беззащитными жертвами в руках охотников.

— Но как мне это сделать, Октав? Мои предложения идентифицировать надвигающуюся на нас опасность везде отклонены. Как же я могу предложить миру всеобщую мобилизацию без всяких оснований?

Октав некоторое время помолчал. Когда он наконец ответил, в его голосе слышался горький упрек вековой мудрости.

— Тогда ты должен назвать миру причину. Всякое правительство всегда находило причину, чтобы мотивировать какое-либо мероприятие. Ты должен назвать опасность, понятную для людей с куцей способностью восприятия. Подожди-ка… Марс…

От двери донесся негромкий шум. Октав повернулся, и его рука украдкой скользнула в вырез темной одежды. Очевидно, он что-то искал там, и когда ничего не смог найти, на его лице появилось выражение недоверия.

Клоули бросил взгляд на дверь.

Там стояла темная фигура, взгляд которой, отличающийся твердостью, был устремлен на Октава. Сделав короткое нетерпеливое движение головой, фигура исчезла, но ее облик во всех подробностях прочно запечатлелся в сознании Клоули.

От мелькнувшей здесь недавно фигуры тоже исходило впечатление бесконечной старости, а в глазах притаилась мудрость веков. Это была фигура богоподобного существа, хотя в ней отсутствовала божественная доброта.

Одежда существа была сделана из вещества, напоминающего пластик. Клоули неожиданно подумал об изображениях одежды девятнадцатого и двадцатого веков, которые он видел в историческом альбоме.

Октав без всяких объяснений встал и прошел через дверь в соседнюю комнату. Его рука опять скользнула в вырез одежды — и снова в ладони пусто. Он лихорадочно пытался вспомнить о предыдущих событиях, чтобы не оказаться в смертельной ловушке.

Октав исчез в соседней комнате.

Наступила мертвая тишина.

Клоули ждал.

Время текло медленно. Клоули слегка покашлял, потом, неожиданно встав, подошел к двери, ведущей в соседнюю комнату, снова вернулся на свое место и продолжал ждать.

Он задумался о суевериях и мимолетных явлениях в виде призраков в средневековых одеждах. Он размышлял о древней мудрости, которую он увидел в глазах Октава и на лице той, другой фигуры, явившейся в облике человека.

Клоули снова поднялся и двинулся к двери в соседнюю комнату.

Комната, в которую он вошел, была маленькой,

скупо меблированной. В ней не было ни окон, ни дверей. Стены совершенно гладкие и чистые.

В комнате не было ни единой живой души.

Глава 5

Октав шел за посланцем в область абсолютной темноты.

Здесь они находились вне пространства, на пороге бесконечности, где даже атомы застыли в неподвижности. Здесь присутствовало лишь движение мыслей — мыслей, сила которых влияла на Вселенную, и эти мысли могли излучать и воспринимать только богоподобные существа.

Однако, кстати заметить, мысли были чисто человеческие, с характерными для всех людей земными помыслами, идеями, порой ошибочными, отражающими человеческие слабости. Они оказались в совсем другой, очень далекой Вселенной. Высокий купол собора, где в полночь шуршала только пара заблудившихся летучих мышей.

Октав настроился на зону, где царствовал лишь мир мыслей.

Он услышал отчетливо различимое, громкое постоянное жужжание Генератора Вероятностей и более тихое потрескивание семи открытых Талисманов. Он чувствовал присутствие семи человеческих существ, собравшихся у Генератора

Вероятностей. Терс сделал краткое сообщение, и Октав ощутил неприятие данной информации шестью существами из семи. Он занял свое место — восьмое, последнее.

Терс закончил свой реферат.

— Мы вызвали тебя, Октав, — передал мысли Прим, — чтобы выслушать объяснения твоему в высшей степени странному поведению. Мы узнали, что ты непростительно небрежен. Только дважды возникала необходимость возвращать Талисман, ибо его владельцы погибали насильственной смертью в каком-то из миров. Как же могло случиться, что Талисман похищен, — ведь он реагирует на опасность: немедленно предупреждает, что его разлучают с владельцем?

— Я тоже не могу этого объяснить, — виновато ответил Октав. — Должно быть, какое-то чуждое вмешательство смогло перекрыть предупреждение Талисмана или отвлечь мои мысли. Я заметил пропажу в тот момент, когда был вызван сюда. Если я верно восстановил события, происшедшие со мной на Земле, то, уверен, смог бы идентифицировать человека, в чьи руки попал Талисман, или того, кто его выкрал у меня.

— Был ли Талисман закрыт в это время? — быстро спросил Прим.

— Да, — ответил Октав. — Мысленный ключ к предохранителю известен только мне.

— Ну это, по крайней мере, маленькое преимущество в нашу пользу, — подумал Прим.

— Я совершил ошибку, — продолжал передавать мысли Октав, — но эту ошибку очень легко устранить. Дайте мне другой Талисман, тогда я смогу пойти в тот мир и добыть свой Талисман.

— Так не пойдет, — ответил Прим. — Ты и так слишком долго находился в том мире, Октав. Ты самый молодой в нашем кругу, но твое тело уже состарилось.

— Да, — импульсом передал ответ Октав, не тратя времени на раздумья. — Время течет медленно, когда вы сидите здесь, в вашем удобном уединении, и обмениваетесь замечаниями о событиях, совершаемых в том мире.

— Ты попал под влияние мира и его чувств, — отпарировал Прим. — Кончаю этот вопрос и перехожу ко второму, более важному пункту нашего объяснения.

Октав почувствовал неприкрытую враждебность семи остальных существ. Теперь утрата Талисмана будет для него роковой. Его надежда на хороший исход встречи не оправдалась.

— Мы узнали, — продолжал Прим, — что ты

разглашаешь тайны. В эмоционально подчеркнутом и удивительно примитивном обличье предсказателя и ясновидца ты передаешь запретные знания представителям мира Земли главного ствола.

— Я этого не оспариваю, — согласился Октав. — Мир главного ствола нуждается в пополнении своих знаний. Вы же обращаетесь с ними не как со взрослыми разумными людьми, а как с плохо воспитанными детьми. И их, совершенно неподготовленных, толкаете в чрезвычайно сомнительное будущее.

— Мы можем наилучшим образом предрешить благополучие мира! — мысли Прима с помощью Талисмана, зажатого в его ладони, усилились до полной мощности. — В противовес твоим затеям мы все свои силы направили на бескорыстную службу мирам, поставив цель дать миру счастье с помощью научных методов. Главное условие нашей деятельности — полное отсутствие информации о нашей деятельности на Земле: ни один человек в мире не должен знать о наших действиях. Неужели ты настолько подвержен влиянию Земли, что я должен напоминать тебе о цели нашего существования?

Абсолютная темнота, казалось, пульсирова-

ла, но Октав не отвечал, и мысли свои Прим настойчиво продолжал передавать с помощью излучений, будто уговаривал маленького ребенка.

— Не получилось ли так, что тебе с самого начала оставалась непонятной логика наших научных действий? Каждый эксперимент требует известных мероприятий по безопасности. При нормальных условиях остался лишь один мир, с которым, естественно, нельзя экспериментировать. Поэтому-то и невозможно установить, какой вид общественного устройства и какое правительство более всего принесут пользы народу этого мира. Но различные аспекты жизни и развития общества любого мира проявляются в другом ракурсе, если воспользоваться Генератором Вероятностей. С его помощью можно наблюдать развитие отдельных миров и постоянно следить за их будущим. Мы в силах наблюдать важнейшие эпохи, когда мир стоит перед важным выбором, например, между демократической и тоталитарной формами правления, или между чисто этическими понятиями и тому подобное. В такие временные интервалы мы используем Генератор Вероятностей и направляем его импульсы на вождя того мира, в

чьих руках сосредоточена власть над будущим. Теперь у него появляется несколько возможностей: одна, две или более. Течение времени в одном случае способствует развитию, в другом — приостанавливает его, поэтому мы имеем различные миры, общественные структуры которых сильно различаются. Анализируя факты, мы можем принимать окончательные решения.

— Я вынужден критиковать такую практику, — немедленно возразил Октав, не заботясь об опасности, вызванной непослушанием. — Ты обобщаешь вещи, забывая при этом, что крупные вероятностные факты возникают из множества мелких. Все обстоит совсем не так просто, как ты считаешь.

Своими выводами Октав сокрушал основы их знаний, но Прим, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

— Последний временной срез проведен нами тридцать земных лет назад, — непоколебимо продолжал он. — Открытие субтронных сил дало миру энергию космоса. Вследствие этого правительство мира встало перед тремя различными возможностями: скрыть изобретение и устранить изобретателя, использовать открытие в своих собственных целях или поставить открытие на

службу обществу. В последнем случае возникает явная опасность: почти любой человек или по меньшей мере маленькая группа людей может в результате различных обстоятельств сосредоточить в руках силу, способную разрушить весь мир. Учитывая природные условия, можно реализовать только одну из перечисленных возможностей. Земле дается лишь один шанс на выбор. С нашим вмешательством можно реализовать все три возможности. Даже нескольких лет постоянного наблюдения достаточно для доказательства, что третья вероятность, то есть опубликование открытия о субтронных силах, была правильной. Оба других мира, которые развивались иным путем, к этому времени уже имели налицо факты, свидетельствующие об ошибочном выборе их пути развития.

— Да, другие миры, — с горечью подтвердил Октав. — Как много их уже было, Прим? Как много, помнишь, с самого начала?

— Но ведь мы же стремимся к сотворению самого наилучшего из миров, поэтому, естественно, вынуждены создавать и плохие, — терпеливо разъяснил Прим.

— Да, конечно, миры ужаса, которые никогда бы не возникли, если бы вы не стремились

попробовать исчерпать все возможности человеческого духа — как добрые, так и злые. И без вашего вмешательства людям удалось бы построить свой прекрасный мир — без привлечения всех этих ужасных вариантов.

— Не хочешь ли ты сказать, что мы должны прекратить свое вмешательство и пустить все на самотек? — раздраженно спросил Прим. — Неужели нам нужно смириться с ролью фаталистов? Нам, мастерам судьбы?

— И далее, — продолжал Октав, не обращая внимания на возражения Прима. — После того как вы создали эти ужасные миры, где люди тоскуют по отнятому у них счастью, вы эти миры просто уничтожаете.

— Естественно! — уже сердито ответил Прим. — Если у нас появляется уверенность, что эти миры не отвечают желаемому, мы прекращаем их жалкое существование.

— Да, — с еще большей горячностью возразил Октав. — Ненужных котят просто топят. Ваша благосклонность распространяется только на один-единственный мир, остальные же без всяких церемоний заталкиваются в пакет для отходов.

— Но это же подлинный акт милосердия, — воз-

разил Прим. — Нет ни горя, ни боли — только внезапное прекращение жизни — как стирание ненужного мазка кисти художника.

Но Октав не думал сдаваться. Наконец-то прорвались наружу все накопившиеся в нем сомнения относительно затей этих существ, так много возомнивших о себе. Его изобличительные речи, передаваемые импульсами, проносились сквозь тьму, рассекая ее, как удары кнута.

— Кто же вы такие, что можете утверждать, будто внезапное стирание не причиняет никакой боли? О, пусть это призрачные миры, результаты экспериментальных ошибок, они же не играют для вас никакой роли, а раз они результат неудачи — они должны быть устранены, поскольку нельзя вынести их молчаливого обвинения. Будто люди этих призрачных миров не имеют такого же права на будущее, как и человечество мира главного ствола. Какое же преступление совершили эти несчастные, не считая, конечно, что, возможно, они идут неверным путем? Причем вы же сами признаетесь, что все стоят перед таким же выбором. Какая разница между миром главного ствола и мирами ответвлений, не считая того факта, что вы больше заботитесь о будущем мира главного ствола? Я хочу обратить

ваше внимание еще вот на что: вы настолько благосклонны к своему миру, миру главного ствола, что остальные рассматриваете только как гипотетические. Но они так же реальны, до мельчайших подробностей.

— Они же больше не существуют, — свирепо возразил Прим. — Очевидно, твои постоянные контакты с миром сузили твой кругозор и смутили дух. Ты встал на сторону миров, которых вообще больше нет.

— Ты твердо уверен в этом? — Октав же почувствовал, что своим вопросом привлек внимание остальных. — А если призрачные миры все-таки живы? Если вы только полагаете, что уничтожили их, отключив от них свое внимание, а они продолжают существовать в системе, параллельной миру главного ствола, и плыть в море времени? Я же вам постоянно повторяю: вы должны почаще искать такие миры. Вот тогда бы вы быстренько узнали, что люди уважаемого вами главного ствола уже чувствуют надвигающуюся тень опасности, замечая угрозу их миру от вторжения загадочных существ. Несколько человек понимают они находятся под необъяснимым чужим влиянием. А вдруг это влияние одного из созданных вами миров? Последний временной

срез сделан не так давно, однако не исключено наличие миров-двойников, сознательно поддерживающих между собой внутреннюю связь, осознающих ее полностью. А если в этих забытых вами мирах развитие пошло путем, способствовавшим созданию мутантов? Возможно, среди этих существ разовьется гениальный вождь, которому станут известны вещи, скрытые даже от вас? И эти существа вторгнутся в избранный вами мир и полностью поработят его?

Октав молча вслушался в темноту. Он ощутил страх, сковавший остальных присутствующих. Но такой исход от его речей не был ему выгоден.

— Бред, бессмыслица! — холодно возразил Прим, его мысли-импульсы свидетельствовали, что его терпению приходит конец. — Ты утверждаешь, будто мы совершили ошибку. Вот уж просто смешно! Нам известна почти каждая деталь развития во времени и пространстве. Мы же, в конце концов, властелины Генератора Вероятностей!

— В самом деле? — этим запрещенным вопросом Октав разрушил за собой все мосты. — Будучи приглашенным в это общество, как, впрочем, и все здесь присутствующие, я, подобно вам, узнал, что Прим первый в нашем сообществе гениев

девятнадцатого века, якобы является изобретателем Генератора Вероятностей, хотя точность данной информации никогда не подтверждалась. Как новичок, я считал это заявление неоспоримым. Теперь-то я знаю, что никогда не верил подобным слухам. Ни одна человеческая натура не способна изобрести Генератор Вероятностей, и Прим тоже! Он лишь нашел этот аппарат, вероятно, когда играл с потерянным кем-то Талисманом. Став владельцем Генератора, Прим мог потом перенести его в другое место, припрятать его от настоящих владельцев. Затем Прим постепенно привлекал нас к участию в этом обществе, ибо в одиночку ему не под силу опробовать все потенциальные возможности Генератора. Прим не изобрел его — он лишь украл!

Октав прекрасно понимал, что его слова попали в самое чувствительное место сообщества; тем самым он подписал себе приговор. Октав ощущал хаотические мысли-импульсы семи присутствующих, вторгающиеся в него, ждал момента, когда настанет время нажать на рычаги.

— Может ли кто-нибудь из вас, исключая Прима, действительно всерьез утверждать, что понял устройство Генератора Вероятностей, не говоря уже о том, чтобы изобрести такую машину? Вы

говорите громкие слова о научном познании. Но знаете ли вы вообще современные научные методы людей, населяющих Землю в этот век? Вас превозносят собственные марионетки. Вы, родившиеся в темном средневековье, неожиданно попали на современную фабрику, где ничего не в силах понять. Вы ученики чародея, но что произойдет, если вернется сам чародей? Что может мне помешать испустить во время и пространство пронзительный крик, который выдаст настоящему владельцу этой машины ее местонахождение?

Октав почувствовал огромную силу, содержащуюся в их мыслях, будто они любой ценой хотели помешать ему на самом деле послать такой сигнал. Одновременно он ощутил и сомнения, появившиеся в мыслях Карта. Именно этого он и ждал: самое слабое место в их учении.

Прим огласил приговор.

— Терс и Септем проводят Октава в мир и, как только он обретет плоть, устранят его. — Прим остановился, помолчав, а потом продолжил: — Одновременно Сикст отправится в экспедицию на поиски утраченного Талисмана. Если он встретит какие-либо трудности, пусть немедленно потребует помощи. Поскольку Генератор Вероят-

ностей функционирует в определенном режиме — когда заняты все позиции, — Санконд, Карт и Кепт тоже отправятся на Землю: они подберут для Октава подходящего наследника. Я останусь здесь и…

— Мой Талисман! — вдруг перебил его Карт. — Октав украл его! Он исчез!

Глава 6

Торн остановился в нерешительности перед темным возвышением. Под его башмаками хрустел гравий — он пытался удержать равновесие и не упасть. Издалека до него донеслось несколько выкриков; вдруг сверху его пронзила игла зеленоватого цвета.

Он упал вперед лицом на землю; и в следующее мгновение острие световой иглы попало туда, где он только что стоял.

Торн лихорадочно искал глазами свой летательный аппарат, но напрасно.

И тут он случайно вспомнил, как брел, спотыкаясь, по ночному лесу, чтобы добраться, в конце концов, до этой возвышенности.

Сделав несколько шагов вперед, Торн провалился в какую-то шахту. Его падение продолжалось довольно долго. Через какое-то время у него появилось неопределенное ощущение, будто он летит наверх. Шахта вытолкнула его, и он резко упал на землю.

Торн оцепенел, потом поднялся и, шатаясь, побрел вперед, пока не наткнулся на деревья, освещенные странным голубоватым светом. Он

чувствовал какие-то изменения в своем теле, что нельзя было объяснить только ушибом в результате неудачного падения.

Торн, ощупью пробираясь вперед, вышел на широкую террасу. Голубоватое сияние усилилось. Оно исходило от двойного ряда фонарей, установленных по обеим сторонам широкой улицы. Торн не мог подробно разглядеть, где находится, ибо край террасы был обозначен живой изгородью.

Он подошел к изгороди и остановился.

Его взгляд скользнул по надетой на нем одежде, потом упал на руки, почти принявшие форму лап с огромными когтями на пальцах.

В его сознании остались лишь смутные впечатления от событий прошедшего вечера. Там были Клоули, симхромия, конференция в зале Опалового Креста, оттуда началось его ночное бегство по темному причудливому лесу.

Его левая рука сжимала какой-то предмет, причем рука мертвой хваткой сжимала эту вещь так, что болели пальцы. Это был тот самый маленький предмет, присвоенный им во время симхромии. Если эта штука еще в его руках, то ничего серьезного с ним не должно произойти. И все же…

У него появились смутные предчувствия.

Не задумываясь, Торн сунул предмет в карман, которого не оказалось на привычном месте, при этом рука его коснулась маленького металлического цилиндра.

Торн пробрался через изгородь и вступил на улицу, освещенную голубоватым светом фонарей.

Предчувствие переросло в дикий страх; но вдруг он неожиданно прозрел.

Другой Торн поменялся с ним местами. Теперь на нем была необычная одежда того, другого Торна — невзрачный рабочий костюм.

Торн перенесся в мир своих страшных снов.

Он резко остановился посреди улицы. Людские потоки обтекали его, прохожие с любопытством оглядывались на него.

Торн преодолел первый ужас, что вызвало чувство морального удовлетворения. Теперь счет выровнялся. Другой Торн может жить в счастливом мире, а он занял его место. Теперь ему не нужно думать о существовании другого Торна, чувствуя вину перед ним. В Торне шевельнулось демоническое желание познать этот мир, знакомый ему до сих пор только по снам.

Но это было не так просто.

На улице царила атмосфера какой-то скрытно-

сти и недоверия. Голоса людей превращались в бормотание. Мужчины и женщины шли с опущенными головами, украдкой бросая на Торна косые взгляды.

Торн влился в поток этих людей, одновременно наблюдая за ними.

В освещенных голубоватым светом лицах запечатлелась одновременно печаль и стремление к счастью. Ему знакомо это выражение по снам, и ему чудилось, что он и сейчас тоже спит.

Некоторые лица казались ему странно знакомыми. Видимо, двойники людей, с которыми ему пришлось встречаться в своем мире. Видимо, то были люди его собственного мира, но ведущие совершенно иную жизнь.

На мужчинах и женщинах была грубая рабочая одежда, цвет которой не определить в призрачном голубоватом свете. Тут не отмечалось никакого индивидуализма — все одеты одинаково.

Многие из этих людей, казалось, словно охраняли кого-то. Именно их сторонились и не разговаривали с ними. Наверное, здесь целая сеть шпионов, решил Торн.

Между остальными людьми выделялись другие существа, одетые в черное, которых остальная

масса избегала, наверняка сознательно. Торн, как ни старался, не мог рассмотреть ни одно из этих существ.

Все производили впечатление чрезвычайно бдительных.

Это был мир авторитета.

На улице лишь сдержанно бормотали.

И одно стало вскоре очевидным для Торна: в глазах у этих людей отсутствовала определенная цель. Они бродили взад-вперед, чтобы чем-то заполнить время между работой и сном, время, сохранявшее им авторитет и обеспечивавшее некоторую свободу, которую они, правда, не умели применить.

Торн растворялся в толпе, чтобы уйти от любопытных взглядов. Он выхватывал отдельные слова и обрывки разговоров. Все без исключения разговоры, видимо, вращались вокруг поведения определенной группы, называемой всеми «они». Вокруг царило открытое неприятие данной группы.

Для поднятия авторитета, решил Торн, должна быть только какая-нибудь диктатура.

— Наше отделение теперь вкалывает в двенадцатичасовой смене. Говоривший был похож на машиниста: на его комбинезоне поблескивали

металлические стружки.

Его спутник кивнул.

— Я только хотел бы узнать поточнее, что это за новые детали поступают к нам все чаще и чаще.

— Какое-то крупное дело намечается.

— Да, видимо, так. Что же они замышляют?

— Какое-то крупное дело намечается.

— Да, но хотелось бы, по крайней мере, выведать его название. Другой мужчина только тихо, украдкой рассмеялся.

Торн побрел дальше и скоро оказался позади группы пожилых женщин.

— Наша бригада в результате повышения производительности труда изготовила более семисот тысяч одинаковых деталей. Я пересчитала их.

— Тебе-то от этого никакой пользы.

— Нет, но они к чему-то готовятся. Подумать только, сколько народу привлекли. Всех мужчин от сорока одного года и женщин с тридцати семи лет.

— Сегодня вечером они приходили дважды и искали так называемых саботажников. Забрали Джона.

— У вас уже ввели новую форму проверки? Все должны стоять в длинных очередях, а потом отвечать на разные вопросы, кто есть кто и чем

занимается. Конечно, вопросы простые, но кто не в состоянии на них ответить, того куда-то уводят.

— Но таким образом они вряд ли поймают саботажников. Узнать бы, кого они пытаются схватить на самом деле.

— Давайте лучше вернемся в ночлежку.

— Нет, еще рано.

Торн подошел сзади к другой группе, в которой была молодая девушка.

— Завтра я вступаю в армию, — сказала она.

— Хорошо.

— Давай сегодня вечером устроим что-нибудь.

— Хорошо.

— Но ведь они не позволят нам организовать вечеринку. — В ее голосе слышался оттенок открытого протеста. — У них есть все волшебные силы. Они могут летать — поэтому-то они и живут где-то там, в облаках, где не увидишь этого ужасного голубого света. О, я хотела бы…

— Тс-с-с! Тебя посадят за такие слова! Кроме того, это ведь все временно, если верить их словам. Как только минет опасность, мы заживем счастливой жизнью.

— А, я знаю, но только почему они нам не сообщают, что это за опасность?

— Это военная тайна. Тс-с-с!

Из-за спины Торна к группе подошел мужчина, ехидно улыбаясь. Но Торн не стал ждать последствий этого происшествия. Поток людей потянул его на другую сторону улицы, где он оказался позади мужчины и женщины в одежде, напоминающей униформу.

— Говорят, на следующей неделе мы снова выступаем на маневры. Сейчас набор новых рекрутов. Ведь нам нужно поднять общую численность армии до нескольких миллионов. Мне интересно, куда нас денут, если нигде не видно врага?

— Может быть, с другой планеты…

— Да-да, но это только слухи.

— И все же это означает, что в любой день может появиться приказ о начале военных действий, а это означает всеобщую мобилизацию.

— Но против кого же военные действия? — В голосе женщины появился налет истерии. — Я постоянно задаю себе один и тот же вопрос, когда мне трубят о новом оружии, действия которого, мне кажется, никто еще не знает. Да, я постоянно задаю себе вопрос, против кого я должна применить это оружие? Иногда мне сдается, что я схожу с ума. Бурк, мне хотелось бы сказать тебе еще

кое-что, хотя я и обязана хранить строжайшее молчание. Только вчера я узнала это, правда, не могу сказать, от кого. Оказывается, в самом деле есть путь к бегству в тот счастливый мир, который мы постоянно видим во сне. Нужно только правильно сосредоточиться…

— Тс-с-с!

На этот раз беседа прервалась из-за приближения Торна.

Ему удалось подслушать еще несколько подобных разговоров.

Настроение Торна понемногу менялось: любопытство его никоим образом не было удовлетворено, а все же кое-какая информация имелась. Конечно, у него появились свои выводы об услышанном, особенно по поводу замечания о «новой проверке». Подобная акция могла служить только для вылавливания людей, подобных ему, мечтающих о «бегстве в счастливый мир», ибо это был именно тот мир, куда попал другой Торн. Но теперь этот мир был неизвестен ему. Лихорадка демонической деятельности улетучилась, наступила депрессия. Нормальный мир чувств человека одержал верх, и Торн уже мечтал о своем нормальном мире.

Появилось раскаяние: зачем он покинул Кло-

ули, свой собственный мир, наверное, чтобы решить личные моральные проблемы. Он не представлял, сколько бед и опасностей может накликать тот Торн на его друга Клоули — ведь Клоули не был в курсе его побега и не ведал, что Торну не следует доверять. И это теперь, после его исчезновения, когда безопасность мира зависела только от Клоули.

Правда, Торн вынужден согласиться с мыслью, что вряд ли существовала опасность для его собственного мира, пусть даже речь шла о существах, бежавших от этой печальной доли. Если же намечаются серьезные мероприятия со стороны неизвестного правителя, то опасность трудно переоценить.

Широкая улица заканчивалась перед возвышением. Торн уже возненавидел этот проспект. Улица и голубоватый свет фонарей не позволяли увидеть ближайшие окрестности. В конце улицы заметно большое скопление людей, видимо, там опять проводится своеобразная проверка.

Именно данный факт подтолкнул Торна принять окончательное решение. Он, дождавшись подходящего мгновения, украдкой перебрался через живую изгородь.

Несколько минут спустя он, задыхаясь, присел

на возвышении. Одежда была грязной. Он с облегчением поднял глаза на мерцающие в темном ночном небе звезды, а потом осмотрелся вокруг.

Ему показалось, что все остается на месте. В нем укрепилась надежда, что, забравшись на эту высоту, он опять попадет в свой мир. В том же направлении светилось высокое здание Опалового Креста. Правда, там же возвышалось еще несколько темных зданий, незнакомых ему.

Связующий мост между двумя мирами находился в абсолютной темноте. Ему необходимо достигнуть конца этого моста.

А где же гигантское здание Голубого Лорена? Где остальные небоскребы, контуры которых ему знакомы давно; именно теперь, в такую ясную ночь, они четко выделяются на небе.

Его взгляд упал на высокое темное здание, превосходившее по высоте здание Голубого Лорена. В центре здания вздымалась высокая башня, откуда отходили пять одинаковых симметричных крыльев. Здание являло собой словно гордый символ жаждущих власти королей.

Неожиданно в голове Торна всплыло название: Черная Звезда.

— Кто там наверху? Немедленно спускайтесь!

Торн обернулся.

Голубой свет уличных фонарей освещал двух мужчин, находившихся посередине на склоне холма. Они взирали вверх, на вершину.

Положение их рук свидетельствовало о том, что они направляли на Торна оружие.

Торн не шелохнулся; голубой свет захватил его. Напряжение достигло предела. Мгновенно трое мужчин застыли, каждый в соответствующей стойке.

Торн понял, что эти люди хотят его убить.

— Немедленно спускайся вниз!

Он бросился плашмя на землю. На этот раз не использовалась игла зеленого цвета, но что-то прожужжало в траве совсем рядом с его ногами.

Торн, согнувшись, рванулся вперед, через несколько шагов оказавшись на противоположном склоне, и исчез в густой поросли леса.

Под ногами шуршали опавшие ветки и сухая листва, а над ним виднелись нависшие сучья деревьев.

Вдруг впереди себя он услышал крики, прыгнул в сторону, в высохшее русло ручья, и пошел вдоль него. Через некоторое время крики донеслись в этом направлении. В следующее мгновение что-то зашуршало в темном небе, а потом лес озарился сверху ясным белым светом, наверное,

ярче солнечного.

Торн забился в заросли.

Преследователи окружили его укрытие, под их ногами шуршала галька.

В этом ослепительном сиянии кустарник показался ему ненадежным укрытием, но теперь он не мог необдуманно рисковать, сделав ошибочное движение.

Торн очень медленно поднял голову и внимательно посмотрел сквозь ветки; вдруг он вспомнил, что его правая рука сжимает маленький металлический цилиндр, который он совсем недавно нашел в кармане своей одежды. Видимо, убегая от погони, он рефлекторно вынул его.

Торн рассмотрел предмет; он сомневался, может ли это быть каким-то оружием. Цилиндр имел две рукоятки, назначение которых было Торну неизвестно. Возможно, ему пригодится эта штука в последнее мгновение.

До его слуха донесся шорох сухих листьев, он осторожно осмотрелся вокруг, всматриваясь в даль сквозь ветки. На другом берегу пересохшего ручья маячила фигура.

Ослепительный свет падал на серую униформу, а на плече блестела черная звезда.

Торн немного подался вперед и развел ветки

куста.

Мужчина обернулся, и лицо его можно было узнать.

У Торна перехватило дыхание.

— Клоули! — хрипло выкрикнул он, выскакивая из укрытия.

В первое мгновение Клоули не предпринял ничего, но затем с кошачьей проворностью отпрыгнул в сторону. Торн споткнулся на каменистом грунте русла ручья, и металлический цилиндр выскользнул из его рук.

Клоули вынул из кармана брюк какое-то оружие и направил его на Торна. Послышалось тихое шипение, и Торн почувствовал острую боль, вгрызающуюся в правое плечо.

Торн остался лежать на земле, а боль растекалась из плеча по всему телу. Теперь оба плеча словно пронзили раскаленные иглы, приколовшие все его тело к земле.

Торн медленно поднял голову — и тут в его мысли, как ураган, ворвалось новое знание, новое представление о мире.

Перед ним стоял Клоули — и этот Клоули улыбался.

Глава 7

Клоули прекратил бесплодные поиски и присел на письменный стол Октава. Его лицо стало похожим на застывшую маску. Комната осталась в том же состоянии, в каком он застал ее утром. Только дверь в коридор была притворена, а на стуле висел халат, утренняя одежда Октава. Дверь в соседнюю комнату была открыта: наверное, Октав вышел в нее по какой-то мимолетной надобности.

Клоули спросил себя, какой импульс заставил его вернуться на это место. Конечно, он отыскал здесь чрезвычайно важные для него вещи, судьба которых беспокоила его. Прежде всего это, конечно, собрание рукописей на пергаментных листах, относящихся к периоду, по-видимому, средневековья. Несколько других предметов, похоже, были из той же эпохи.

Клоули искал конкретные вещи, которые могли бы помочь ему решить стоящую перед ним проблему.

Как и раньше, он и теперь был убежден: эта комната стала центром широкой сети информации, своего рода ключом к решению всей проблемы

жизни мира. Но Клоули не имел ни малейшего представления, как применить имеющийся у него ключ.

Вот это уже особая проблема, возникшая только что, всего несколько часов назад, но все же данная проблема существовала и действовала ему на нервы.

Клоули с явным беспокойством достал из кармана листок, который недавно нашел на письменном столе Торна в их общем кабинете. Это оказалась короткая записка, правда, никто не видел, как и когда она попала на стол Торна.

«Появилось дело наивысшей важности. Я должен привести в порядок все сам. Отложи все другие дела до моего возвращения.

Торн».

Без сомнения, это почерк Торна. Но у Клоули все же появились сомнения; Торн, возможно, написал данные строчки под каким-то чужим влиянием. Сама записка была не более чем просьбой об отсрочке.

Но, однако, это очень похоже на Торна — он всегда сам брался за дело, если в тот момент не видел другого выхода.

Конечно, для Клоули было самым простым последовать указаниям записки и оставить все

как есть, но он уже начал большую поисковую операцию и даже обратился в соответствующие органы и службы.

Клоули побарабанил пальцем по крышке стола.

Научные исследования?

Но исчезновение Торна и решение Всемирного Комитета связало Клоули руки, он вряд ли мог что-либо предпринять в этой области. Кроме того, он уже пришел к убеждению, что всплывшая тема научных исследований стала слишком затяжной, чтобы при данных обстоятельствах привести к каким-то приемлемым результатам.

Всемирный Комитет?

Но как же Клоули убедить участников Комитета, даже если, несмотря на все красноречие, ему не удалось это сделать в прошедшую ночь?

Его собственные мысли? Но как, используя их, перейти в наступление?

Клоули все более убеждался: существуют какие-то темные пути, ведущие из подсознания в чужой мир; один из этих путей мог бы привести его к двойному существованию, о котором он инстинктивно догадывался. Если Клоули удастся сконцентрировать свои мысли на одном из таких пунктов, он сможет попасть на один из этих

темных путей.

Всплывшие в его сознании дороги в чужой мир начинались, наверное, в каких-то неизвестных точках его мозга… Если Торн действительно попал в тот самый мир, то Клоули нужно следовать за другом той же дорогой.

Но, приняв такое решение, Клоули не приблизится к решению всей проблемы, ибо такой шаг в неизвестное, возможно, самый последний выход.

Для разрешения проблемы нужны факты, именно они дадут основания приняться за дело.

Стук пальцев по столу затих.

Может быть, комната действует ему на нервы? Комната, в которой, видимо, была цепь, связывающая прошлое с будущим, а сама остающаяся во вневременье.

Теперь здесь нет Октава: может быть, именно он мог бы указать ему верный путь.

Ведь проблема проста: где-то возникла угроза Земле.

Но когда Клоули установит такое место?

Клоули склонился над письменным столом, включив видеоприбор. Его взгляд скользил по отделам Голубого Лорена, по бесконечным коридорам этого гигантского здания. На экране

появились центры развлечения и отдыха, где люди самыми разнообразными способами проводили время. Там имелось и школьное отделение с учебными кабинетами для детей, были гигантские цеха с их мощным оборудованием. Виднелись гигантские кухни, где деловито сновали повара и поварихи. Были и игровые залы — там всегда царил радостный смех.

Перед взором вырисовывались атрибуты свободной, счастливой жизни. Да, это был богатый счастливый мир, в котором люди ничего не подозревали о бездне, зияющей перед ним.

Люди жили в свое удовольствие, не заботясь ни о чем другом.

Танец на вулкане…

Лицо Клоули дрогнуло. Он вдруг представил себя тем самым старым божеством, что взирает с олимпийских высот на гибнущий мир.

Если бы он мог встряхнуть этих беззаботных людей и раскрыть им паза на угрожавшую опасность!

Ему вспомнились слова Октава:

— Вооружен этот мир для того, чтобы не оказаться беззащитной жертвой в руках охотников Ты должен указать им любую причину, поставить их перед фактом опасности, например Марс…

Марс!

После внезапного исчезновения Октава Клоули больше не размышлял над брошенным ученым намеком, но теперь это слово как-то сразу пришло ему на ум.

Симулировать агрессию на Марс?

Для этого нужно немного подправить сообщения первой экспедиции к Марсу — таинственное исчезновение космических кораблей, приближение неизвестных агрессоров, слухи о страшных схватках, разыгравшихся в космосе…

Файрмур из Межпланетного общества считался другом Клоули и верил в его теорию. Кроме того, Файрмур был человеком, пренебрегающим любым риском. В его отделе работало много молодых мужчин, разделяющих его идеи.

Значит, что-то может получиться!

Неожиданно Клоули покачал головой. Распространение слуха о такой агрессии будет преступной затеей. Такой план невозможно осуществить. Может, Файрмур находится под определенным, схожим с гипнотическим, воздействием со стороны Октава?

И все же…

Нет! Нужно найти другой путь…

Клоули спрыгнул с письменного стола и начал

бродить по комнате. Оппозиция! Вот чего ему недостает — конкретного противника, с которым он мог бы сразиться.

Клоули, неожиданно остановившись, спросил себя, почему же эта мысль не пришла ему в голову раньше.

Там ведь есть два человека, давно выступавших против него и Торна и изо всех сил пытавшихся подорвать их общую теорию. Два человека, но они вели себя почти как непримиримые личные их враги.

Два члена Всемирного Комитета!

Конджерли и Темпельмар!

И Клоули немедленно отправился на своем летательном аппарате к уединенному дому Конджерли. Он на малой высоте парил над зеленым лесом, спугнув белку, быстро исчезнувшую на макушке дерева.

Через некоторое время Клоули приземлился перед домом Конджерли в обширной оливковой роще.

Здесь стояла тишина. Пчелы жужжали над цветочными клумбами, сладковатый резкий запах которых тяжело висел в воздухе. Все залито ярким солнечным светом.

Клоули спокойно подошел к двери дома. Его

рука пересекла горизонтальный световой луч, и в доме раздался мелодичный звон. Нигде ни единого движения. Клоули предпринял вторую попытку.

И опять в доме тишина.

Клоули подождал.

Абсолютная тишина в этом доме раздражала — и без того его нервы натянуты. Такие жилые дома находились вдали от любого транспорта; попасть сюда можно было только по воздуху.

Вдруг Клоули услышал слабый ритмичный шум, поначалу перекрывавшийся жужжанием пчел. Шум доносился из дома. То было сдержанное похрапывание, но интервалы между вдохами и выдохами казались неестественно затяжными.

Клоули подождал мгновение, потом пригнулся ниже светового луча и вошел в дом.

Он осторожно прокрался вдоль широкого неосвещенного коридора. Похрапывание стало громче, именно этот звук привел его к третьей двери.

Как только глаза Клоули немного привыкли к полутьме, он увидел мужскую фигуру, вытянувшуюся на кровати. Руки бессильно свисали по обеим сторонам кровати, единственным видимым пятном было лицо. Грудь поднималась и

опускалась через равные промежутки времени.

Клоули, отдернув занавески на окнах, повернулся к кровати.

На полу стояла бутылка. Клоули, подняв ее, понюхал, потом быстро поставил на место — это был наркотик.

Клоули потряс спящего за плечо — сначала осторожно, потом все сильнее.

Храп не прекращался.

Лицо Конджерли на первый взгляд ничего не выражало, казалось отрешенным. Только внимательно всмотревшись, Клоули разглядел отдельные черты этой своеобразной личности.

Чем дольше Клоули изучал черты лица этого человека, тем сильнее в нем укреплялось убеждение: внезапное подозрение, зародившееся у него еще в кабинете у Октава, было совершенно безосновательным. Перед ним был тот самый Конджерли, которого он знал с давних пор. Возможно, чересчур здравомыслящий человек; тонкие морщины в уголках рта свидетельствовали, что он не отказывался поболтать, любил переливать из пустого в порожнее. Но ни следа влияния загадочных существ.

Ритм дыхания изменился, спящий зашевелился. Его рука поднялась и провела по груди.

Клоули продолжал неподвижно смотреть. В дом снаружи проникала летняя жара.

Спящий перевернулся на своем ложе, его рука беспокойно потянулась к вороту утреннего халата.

И тут произошло неожиданное — облик претерпел изменения. Клоули показалось, что лицо Конджерли будто ушло вглубь и погрузилось в безбрежное нечто: осталась только пустая застывшая маска.

И эта маска вдруг накрылась совсем иным лицом, черты которого выражали открытую враждебность, на лице появилась свирепая решимость.

Спящий что-то пробормотал. Клоули наклонился вплотную к его рту. Лепет и бессвязные слова исходили, казалось, из другого мира.

— … Генератор изменения времени… вторжение… три дня… мы… предотвратить мероприятия… пока… Тихий, чуть слышный шум, исходящий от двери, заставил Клоули обернуться.

В дверном проеме стояла высокая коренастая фигура Темпельмара.

Темпельмар недоверчиво и враждебно глядел на Клоули.

В следующее мгновение Темпельмар снова

овладел собой, его лицо приняло выражение абсолютного спокойствия, и он слегка приподнял брови.

— Ну?

Снова донесся тихий шум.

Клоули отступил на шаг, чтобы одновременно держать в поле зрения обоих.

Конджерли выпрямился и потер ладонью лицо, потом опустил руки, уставившись на Клоули своими маленькими глазками.

— Ну? — спросил он резко. Выражение его лица совсем не подходило к облику человека, только что находившегося в глубоком сне.

В ушах Клоули все еще звучали странные слова, произнесенные во сне Конджерли.

Клоули, растерянно оглядываясь по сторонам, пробормотал извинения.

— Я только что заглянул сюда мимоходом, чтобы еще раз обговорить программу… услышал ваш храп… вошел в дом…

Клоули понял, что не исключено и прямое нападение этих двух мужчин, захвативших его врасплох в фатальной ситуации. И в этот момент он принял окончательное решение.

Он должен отыскать Файрмура.

Глава 8

Торн с опущенной головой и обвисшими плечами скорчился в своей темной камере. Его правая рука все еще была парализована и бессильно висела. На плечи словно давило все здание Черной Звезды, в верхней части которого обитали «они».

Все внутри него было напряжено: он ведь против собственной воли попал в этот мир; его тело не принадлежало ему, а его мысли не могли перемещаться как обычно, по соответствующим каналам.

Но человеческий разум — этот прибор для непрерывных раздумий и мечтаний — неутомим.

Торн продолжал бороться с чужим влиянием, пытаясь привести в порядок свои мысли. Он надеялся выработать какой-нибудь план. В первую очередь нужно было заняться проблемой его возвращения в собственный мир.

Он повторял про себя: нужно использовать разум, присущий ему в Мире-1, чтобы дать имя этому миру с точки зрения Торна-2; да и самому себе не мешало бы присвоить имя и попытаться найти ключ к собственным воспоминаниям.

Эти мысли должны натолкнуться на какое-либо решение; эти мысли, миры и Торны не должны потеряться в пустоте.

Если Вселенная-1 и Вселенная-2 — назовем их так — совершенно независимы друг от друга, то между ними не было бы связи ни во времени, ни в пространстве. Они ни близкие, ни далекие.

Между ними существует только мысленная связь идентичных существ, и эта связь проявляется вне любых человеческих понятий.

Транспортировка Торна в Мир-2, видимо, произошла мгновенно, а отсюда логически следовало, что оба мира расположены как бы друг над другом. Трудно определить, какой находится внизу, а какой расположен над ним: все зависит от того, в каком мире находился наблюдатель.

Так близко — и так далеко. В этой дьявольской одинаковости нужно только вырваться из тяжелого сна, а мрак его камеры только усиливал это впечатление. Надо напрячь все душевные силы, чтобы добиться перемещения Торна-1 и Торна-2.

Он попытался сконцентрировать свои мысли, призывая на помощь темную вечность, и найти таким образом какой-то путь следования обратно, но все дороги были блокированы. Торн непроизвольно засомневался: не находится ли

Мир-1 лишь в его мечтах, ибо страстное желание бежать из деспотического мира, где царит только горе и угнетение, накладывает определенный отпечаток на психику.

Если и есть какой-то ключ к возвращению в тот желанный мир, то Торн не в состоянии найти его в данный момент.

Дверь камеры открылась, и на пороге появился другой Клоули. На фоне светлой стены коридора выделялись темные фигуры двух охранников в мундирах.

Этот Клоули до последней черточки похож на другого, абсолютное сходство ошеломляющее: Торн чуть не вскочил, чтобы радостно приветствовать приближающуюся фигуру.

В сознании у Торна мелькнула мысль: ведь мысли этого Клоули тоже должны быть идентичны мыслям того, другого Клоули, которого он в их общем мире называл своим лучшим другом.

Как зачарованный Торн уставился в это холодное лицо.

— Считай это комплиментом, — сказал Клоули-2. — Я должен лично передать тебя Слугам Народа. Решение твоей дальнейшей судьбы полностью в их руках. — Он криво усмехнулся, хотя эта тирада не прозвучала злобно.

Выражения лиц тех, кто сопровождал Клоули-2, выдавали их образ жизни: их жизнь прошла в безусловном послушании в течение многих лет. На слова Клоули они совершенно не реагировали.

Торн, медленно поднявшись на ноги, побрел к двери, отдаваясь в руки неизбежной судьбе. Он казался сам себе артистом в незнакомой ему до этого времени роли.

Они шагали вниз по длинному коридору, и оба охранника в мундирах следовали за ним по пятам.

— Ты похож на убогого преступника, совершившего покушение, если позволишь выслушать мою грубую критику, — сказал спустя некоторое время Клоули-2. — Ты абсолютно неуклюже манипулировал моим именем в совершенно неподходящих условиях. Тогда ты ведь выбросил свое оружие на дно ручья. Нет, ты не можешь утверждать, что вел себя достаточно ловко. Боюсь, что одними только своими возгласами ты не удовлетворишь званию опаснейшего саботажника нашего мира. Ну да, возможно, ты был немного сбит с толку.

Торн чувствовал, что за этими словами стоит больше, чем ему показалось вначале. Несомненно, Клоули-2 давно заметил, что с Торном что-то

не так, даже пытался выяснить, как обстоит дело сейчас.

Торн был настороже. В темноте своей камеры он принял твердое решение ни при каких обстоятельствах не выдавать, откуда он родом. Возможно, они сочтут его сумасшедшим — данный вывод был бы для него самым приемлемым. Но Торн ясно сознавал: вряд ли стоит на это рассчитывать.

Клоули-2 с любопытством искоса разглядывал его.

— Ты довольно скуп на слова, верно? Я припоминаю, ты на последней нашей встрече упрекал меня, произнося горькие слова, но, может, ты только хотел поколебать мою убежденность, да? Я надеюсь, ты уже понял, что таким своим поведением ничего не добьешься? Но я боюсь, что ты понял это слишком поздно.

Они продолжали идти.

— Ты должен понять, что это ты меня ненавидишь. Я же никого не ненавижу, — Клоули-2 бросил короткий взгляд на лицо Торна и его болтающуюся руку. — О да, я иногда вынужден причинять людям боль, но это зависит не от меня, а от обстоятельств. Идеал, к которому я стремлюсь, — всегда действовать только с уче-

том обстоятельств и не давать волю чувствам — ни любви, ни ненависти, ни чувству ответственности. Для меня достаточно лишь овладеть положением и ситуацией.

Торн слегка вздрогнул. Эти слова точно соответствовали тому, что часто повторял Клоули-2, когда был чем-то особенно возбужден. Этот человек, очевидно, пытается вытянуть из него какие-то сведения, иначе он бы никогда так свободно и откровенно не говорил с ним.

Клоули-2 чувствовал к Торну необычную симпатию и пытался найти объяснения такому странному для него чувству. Возможно, идентичность мыслей и ощущений идентичных существ была не такой уж сильной, как казалось сначала. И видимо, мысли и ощущения Клоули-1 соответствовали представлениям Клоули-2.

Положение оставалось необыкновенно запутанным, и Торн облегченно вздохнул, когда они вошли в большой зал, так как он нашел удобный случай подольше подумать о своих ответах на возможные многочисленные вопросы.

Помещение имело внешне очаровательный вид: оно было будто бы разделено на две части широкой белой полосой на полу. И над этой полосой, казалось, висела табличка:

ПЕРЕСТУПАТЬ ЗАПРЕЩЕНО!

На одной половине на жестких скамьях сидело несколько человек, одетых в обычные серые рабочие костюмы; часть из них носили темные мундиры. Очевидно, люди чего-то ждали — приказов, разрешений, приговора, беседы. Перед ними находилась типичная, наводящая скуку группа людей, вынужденных ожидать.

— Они ничего не знали!

Эта фраза ворвалась в мозг Торна, пока он рассматривал лица сидевших.

На другой половине помещения за письменными столами сидели шестеро мужчин. Они олицетворяли здесь абсолютный автопортрет. Их одежда почти не отличалась от костюмов остальных людей, а обстановка зала была спартански проста. Но осанка сидящих за столами людей, взгляды их резко отличались от находившихся на другой половине помещения. Торну было достаточно двух слов, чтобы описать это:

— Они знали!

Неожиданное появление Клоули-2 вызвало сенсацию среди ожидающих. Торн заметил их испуганные взгляды: Клоули-2 пришел ведь не ради них. Оба охранника в мундирах, казалось,

тоже почувствовали облегчение, когда Клоули-2 скупым движением руки отпустил их.

Торн поймал еще один взгляд, который сначала не мог никак объяснить. Этот взгляд направлен не на Клоули-2, а на него; то был взгляд мужчины в сером рабочем костюме, лицо которого не показалось Торну знакомым ни здесь, ни в его собственном мире. Взгляд выражал симпатию и — как ни странно — какую-то верную привязанность.

Если Торн-2 в этом мире действительно был вождем мятежников, тогда такой взгляд и подобное поведение объяснимы. Торн, поражаясь, мысленно спросил себя, не выдал ли он, осуществив свою затею, подпольное движение.

Клоули-2, видимо, был хорошо знаком людям за письменными столами.

— Я доставил этого человека в Зал Слуг Народа, — кратко сказал он и беспрепятственно прошествовал через зал.

Они опять вышли в широкий коридор, здесь декорации совершенно переменились Через несколько шагов они очутились возле субтронной шахты.

Бросив осторожно косой взгляд на Клоули-2, Торн сделал вид, будто ему совершенно незнако-

мы достижения субтронного века.

Только сейчас, после такого неожиданного появления Торна в Мире-2 мысли его впервые проступили четко и ясно и стали развиваться в нужном направлении. Наверное, причина такой перемены — увиденное вновь знакомое здание субтронной шахты.

Без сомнения, современная субтронная техника сохраняется в тайне по эту сторону линии раздела, эта тайна раскрыта лишь для элитарной группы. На другой же стороне этой линии он не нашел ни малейших признаков наличия подобной техники. Поэтому напрашивается объяснение: рабочим и солдатам на другой стороне линии совершенно незнакомы смысл и назначение производимых ими инструментов и приборов. Этим же может объясняться и высокая производительность труда, предъявляемая к людям, да и уровни жизни обеих групп существенно отличались, даже вопросы снабжения решить не всегда удавалось.

Но каковы были отношения первого и второго миров?

Должна же существовать какая-то тесная связь между ними, ибо немыслимо, чтобы два разных и независимых друг от друга мира одновременно

имели Опаловый Крест, Торна, Клоули и многие другие вещи в двух одинаковых образах, словно двойников. Допуская такую возможность, можно допустить и многое другое.

Нет, Мир-1 и Мир-2 — это результат изменения течения времени, чем бы ни было вызвано это изменение. Кроме того, это изменение течения времени случилось относительно недавно — иначе трудно объяснить, почему эти два мира населены существами-двойниками, если бы подобные перемены произошли сто и более ста лет назад. Это изменение в ходе времени должно было, несомненно, состояться в тот период, когда Мир-1 постигли тяжелые кошмары, что случилось около тридцати лет назад.

Торн недоверчиво покачал головой. Как же могли эти два мира за такой относительно небольшой срок так значительно отдалиться друг от друга?

Один мир остался свободным, тогда как в другом царила ужасная деспотия. В одном мире — добрые порядочные люди, а народ другого угнетался маленькой группой эмоциональных чудовищ. Невозможно представить, чтобы суть природы людей — людей, которые уважали и любили, — могла зависеть только от обстоятельств.

Тем не менее современный мир постоянно менялся. Часто возникали войны, причем вспыхивали неожиданно. За считанные недели или месяцы в технической промышленности совершались настоящие революции.

В Мире-1 изобретения и развитие субтронной техники использовались на благо всего человечества, правительство же Мира-2 поставило эти открытия на службу горстке людей, от остальных новые виды техники скрывались, а проекты и разработки держались в строжайшей тайне.

Но существует же какая-то возможность проверки.

— Ты еще помнишь что-нибудь из нашего детства? — неожиданно спросил Торн. — Мы всегда играли вместе и постоянно клялись в вечной дружбе.

Они поднялись в ярко освещенный коридор, и Клоули-2 повернулся к своему пленнику.

— Ты все-таки раскисаешь, — удивленно ответил он. — Этого я от тебя не ожидал. Да, конечно, я помню это.

— А потом, года два спустя, — неуклонно продолжал Торн, — наш планер рухнул в озеро. При падении я потерял сознание, и ты вынужден был спасать меня, тащить до берега.

Клоули-2 рассмеялся, но морщинки в уголках рта стали глубже. Он казался сбитым с толку.

— Ты действительно считаешь, что я спасал тебя? Ну, это явно противоречит всему тому, как ты позднее поступил со мной. Нет, тебе хорошо известно, что я тогда поплыл к берегу. Это был день, когда я впервые понял, что я — это Я, а все остальное зависит от соответствующих обстоятельств.

Торн содрогнулся. С одной стороны, он наконец разгадал этого человека, а с другой — он установил, когда изменился ход времени. Все перевернулось в Торне.

— В мире нет места для двух человек с одинаковой точкой зрения, — сказал он с горьким упреком.

— Конечно, только одному начертано место под солнцем, — смеясь, ответил Клоули-2. Он наморщил лоб и, помедлив, добавил как бы против воли: — А почему же ты не хочешь попытаться еще раз? Твой собственный шанс — перед Слугами Народа доказать свою необходимость. Ты должен свыкнуться с мыслью: эти люди оказались вместе в силу различных обстоятельств, к которым нужно приспособиться.

В первое мгновение у Торна появилось чувство,

будто Клоули-2 смотрит на него глазами Клоули-1. Пока Торн пытался внести хоть немного ясности в свои мысли и чувства, они вышли на широкую платформу. Клоули-2 ухватил его за руку и повел к другому проходу.

— С этого момента больше никаких разговоров, — сказал он предупреждающе, — лучше думай о моем совете.

Они подошли к двойному мосту.

— Человек для Слуг Народа, — сухо отчеканил Клоули-2, и их пропустили.

В конце коридора они подошли к серой двери без номера и какой-либо надписи. В стене была сделана маленькая неприметная боковая дверь.

Клоули-2 нажал на какую-то скрытую кнопку в стене, и боковая дверь открылась. Торн переступил порог. Через несколько шагов по темному коридору они вышли в просторный зал.

Клоули-2 остановился, опять нажав какую-то кнопку. Крошечная дверь захлопнулась, замок защелкнулся.

Клоули-2 оперся спиной на дверь, и в уголках его рта заиграла чуть заметная усмешка.

Глава 9

Зал был обставлен стандартно — минимум мебели, совершенно голые гладкие серые стены.

За подковообразным столом сидело одиннадцать мужчин. Их серая, похожая на мундиры униформы одежда тоже выглядела предельно скромной. Несколько человек лысые, у остальных же видны седые или белые как лунь волосы — перед ними истинные старцы. Они в застывших позах сидели на своих стульях.

Торн окинул всех взглядом, с удивлением отметив: Слуги Народа не выглядели злыми или карателями.

При более внимательном рассмотрении Торн все же усомнился, не скрывается ли за этими масками настоящее зло. Пуританская жестокость, не оставляющая места для юмора. Гипертрофированное чувство ответственности, будто заботы целого мира лежат на их плечах. Отеческий авторитет, позволяющий судить об остальных людях, как о безответственных детях. Выражение беззаветного служения доминировало над остальным, даже казалось эгоистичным. Эти люди полностью осознавали свое величие и безграничную

власть, простота в их одежде вступала в явное противоречие с их сознанием и поведением.

Торну не хватало времени сделать соответствующие выводы из первого впечатления от людей, встреченных им. Он не мог внимательно разглядеть лицо каждого в отдельности, хотя понял, что по крайней мере некоторые из них ему знакомы. Его внимание было направлено на человека, сидевшего у края стола; их взгляды скрестились.

Казалось, сидящий впереди человек относится к этому миру, его вид и одежда не давали повода усомниться в таком решении.

И все же это был Конджерли.

— Мне скоро нужно возвращаться назад, — сказал он. — Наркотики, которыми я напичкал другое свое тело, скоро прекратят свое действие; если другой Конджерли придет в сознание, провести обмен будет чрезвычайно трудно. Темпельмар, конечно, дежурит там, и он может дать телу дополнительную дозу, но такое действие опасно… Не стоит рисковать проводить обмен, лучше этого избежать. Риск возрастает. Приходится считаться и с тем, что будут блокированы духовные каналы; это приведет к невосполнимым последствиям.

— Совершенно верно, — заметил мужчина из

рядов Слуг Народа, он отличался высокой худощавой фигурой; ему, по-видимому, отводилась здесь роль председателя. — Дальнейшие обмены вряд ли необходимы, так как больше затруднений не ожидается.

— Тогда я должен попрощаться, — продолжал Конджерли. — Трансвременная машина готова, и вторжение состоится через три дня в назначенное время. До этого момента мы будем препятствовать Всемирному Комитету готовить соответствующие блокирующие мероприятия.

Торн немного подался вперед, он почувствовал, что сейчас должно произойти.

Клоули-2 положил на его руку свою.

Конджерли наклонил голову и застыл в этой позе.

Двое охранников в мундирах пересекли зал и встали рядом с ним по бокам.

Полминуты ничего не происходило.

Неожиданно по телу Конджерли пробежала дрожь. Он непременно рухнул бы на пол, если бы охранники не подхватили его. Тяжело дыша, он бессильно повис на их руках.

Когда Конджерли поднял голову, выражение его лица изменилось. Он показался Торну больным, одурманенным наркотиком человеком.

— Где… что… — заикаясь, пробормотал он едва разборчиво. Охранники потащили его к двери. Вдруг взгляд Конджерли прояснился, он, казалось, осознал ситуацию. — Вы не имеете права запирать меня! — отчаянно закричал он. — Я — Конджерли, я член Всемирного Комитета. — Он смотрел через плечо назад, лицо его было мертвенно-бледным. — Кто вы? Что вам нужно от меня? Почему меня напичкали снадобьем? Что вы сделали с моим телом? Что вы со мной собираетесь делать? Как…

Охранники утащили его за дверь. Худощавый председатель опустил взгляд.

— Неприятный случай, но неизбежный. Если мы возьмем этот мир под свой контроль, тогда можно будет, к счастью, избежать подобных ситуаций, исключая, конечно, те случаи, когда участвуют саботажники.

Сидящие за столом молча закивали.

Торн вздрогнул, услышав рядом с собой язвительный смех, что было совершенно неожиданным…

Все глаза устремились в этот угол. Клоули-2 небрежно шагнул вперед.

— Что за смех? — резко спросил председатель, сморщив на лбу две складки. — И кого вы прита-

щили в этот зал, не проинформировав нас? Мне кажется, мы дождемся такого момента, когда однажды вы зайдете слишком далеко в своем неуважении к предписаниям.

Клоули-2 не обратил внимания на замечания председателя. Он подошел к столу, оперся о него обеими руками и обвел взглядом всех сидящих.

— Я вынужден был засмеяться, ибо невольно подумал — ведь в другом мире вы будете охотиться исключительно за саботажниками. Конечно, трудно мириться с подобной ситуацией, но вам все же необходимо считаться и с обстоятельствами. У нас вряд ли останется выбор, кроме как искоренить большую часть жителей того, другого мира.

— О таких проблемах нам ничего не известно, — холодно возразил председатель. — Лучше позаботиться о том, чтобы из-за ваших странных взглядов не потерять наше доверие. Да, вы хорошее орудие, и только глупец уничтожит орудие, в котором постоянно нуждается. Но есть пределы дозволенного, и, если перейти границы, дело будет выглядеть, конечно, совсем иначе. Что же касается жителей того мира, сбитых с толку нашей пропагандой, то ведь, вы же сами знаете, мы руководствуемся самыми лучшими

намерениями.

— Конечно, — с широкой улыбкой согласился Клоули-2. — Но задумайтесь на мгновение, что произойдет на самом деле. Через три дня трансвременная машина произведет субтронную изоляцию, в результате чего образуется участок, который свяжет между собой два мира. В данное место вы направите свои боевые силы. Они окажутся в стране как иностранные интервенты, создавая вокруг себя атмосферу страха и ужаса. Конечно, на стороне захватчиков будет преимущество — внезапность, но уже очень скоро они натолкнутся на сопротивление сил, тоже обладающих субтронным оружием. В нашем мире такое сопротивление ограничилось бы маленькой группой, состоящей из руководителей необученных и невежественных масс, но там подобное мероприятие вызовет сопротивление людей, любящих свободу и достигших такого уровня развития, когда никто не смирится с диктатурой, даже если эта диктатура преследует самые лучшие цели. Подобное сопротивление не прекратится, пока их мир не станет похож на поле субтронной битвы или пока вы сами не будете вынуждены провести субтронное уничтожение, чтобы затем по узкому мосту вернуться в свой

мир. Вы должны отчетливо представлять все последствия вашей затеи.

— Вовсе нет, — безжалостным голосом ответил председатель. — Наше вторжение будет проведено без всякого кровавого столкновения, хотя мы на всякий случай и вооружимся. В подходящий момент Конджерли и Темпельмар захватят так называемый Всемирный Комитет и задушат в корне любое сопротивление. Большинству жителей того мира ничего не известно о механизме действия субтронных сил, поэтому они не представляют никакой опасности для нас. И уже спустя короткое время люди с благодарностью признают наши добрые намерения, приветствуя свое освобождение от безответственных правителей. Нам останется лишь позаботиться о дальнейшей безопасности мира, выявив всех инженеров и ученых, знакомых с тайной субтронных сил. И в связи с этим нам, конечно, не следует пугаться возможных насильственных мер. Никогда и ни при каких обстоятельствах мы не должны терять из виду нашу конечную цель — сохранение мира или, вернее, обоих миров. Сберечь миры от опасности субтронных сил, которые всегда находятся в руках небольшой элитарной группы избранных.

Торн, пораженный, отступил на шаг. Самая серьезная опасность состояла в том, что эти Слуги Народа твердо убеждены в законности своих действий, направленных на благо населения своего мира или двух миров.

— Совершенно верно, — ответил Клоули, все еще улыбаясь. — Но вы проглядели последствия, которые возникнут вследствие введения планируемых вами мер. Уже сейчас ваша тайна под угрозой разоблачения. Уже существует обмен между двумя мирами, и беженцы нашего мира попадают постоянно в другой мир. И они узнают, что жители того, другого мира в принципе не враги нам, а союзники. Установление взаимопонимания — вопрос времени. Одновременно вы должны считаться и с таким фактом, что в любое время в наш мир может попасть их ученый в области субтроники; если он здесь свяжется с саботажниками, то вы окажетесь лицом к лицу с войной в двух мирах. Ваш единственный шанс, который я, к счастью, хотя бы частично вижу, состоит в немедленном жестоком ударе и уничтожении этого другого мира. Потом вам останется лишь очистить и наш мир от тех, кто случайно попал к нам оттуда. Если вы не пойдете на этот решительный шаг с самого начала, я не ручаюсь

за роковые последствия. Считаю целесообразным отбросить все свои псевдоблагие намерения и принять единственное логически верное решение — уничтожение.

Клоули-2 самоуверенно покачался на пятках и обвел внимательным взглядом одиннадцать сидящих за столом мужчин.

Отношение Слуг Народа к Клоули-2 было очевидным: они взирали на него как на гения, не отрицая, правда, что он плохо воспитанный ребенок, которого часто бранили, но никогда не наказывали.

Этот Клоули-2, казалось, несомненно был личностью. Ему не хватало только человечности Клоули-1.

Во всяком случае, было совершенно ясно, что Клоули-2 не только не остановится на месте в своих теориях, но и игнорирует все принципы — и на этот раз он продвинулся в данном направлении еще на шаг.

Председатель долго молча смотрел на него.

— Напрашивается вопрос, не является ли причиной вашей настойчивости и упорства в реализации своего мнения какое-либо душевное расстройство. Мы отказываемся от сотрудничества с вами, поскольку вы призываете немедлен-

но действовать.

Клоули-2 сделал небольшой поклон.

— Сначала я хотел бы предложить вам допросить человека, которого я привел. Вы будете рады узнать, кого я вам доставил.

И он указал на Торна.

Все взгляды устремились на арестованного.

У Торна опять мелькнула мысль о побеге, на этот раз подобная мысль настойчиво сверлила его мозг. Ведь он же видел, как это сделал Конджерли. Если Торн сконцентрирует мысли в нужном направлении, то здесь перед Слугами Народа должен появиться другой Торн, чтобы ответить за свои действия, а сам он будет уже далеко, вне опасности. Ведь Торн должен предупредить свой мир.

Но тем временем он медленно поворачивался к столу. Это его ноги волочились по серой мозаике пола, его пересохшее горло не могло сглотнуть слюну, его холодные руки сжимались в кулаки и снова разжимались.

Лица одиннадцати старых мужчин начали расплываться перед глазами Торна, потом взгляд его снова стал четким и твердым.

Торн остановился у стола.

— Боюсь, что мое время господства над ми-

ром пройдет еще не скоро, — услышал он голос Клоули-2. — Вот перед вами стоит ваш главный враг, пойманный мною собственноручно. Вчера вечером мы устроили облаву на штаб-квартиру саботажников, и он попался ко мне в руки. Торн пытался удрать, я, догнав его на Горе, схватил как руководителя саботажников.

Реакция Слуг Народа была совсем иной, нежели ожидал Клоули. Они мрачно смотрели на него.

— Безответственный ребенок! — порывисто воскликнул председатель. — Разве вы не слышали сообщение Конджерли: между Торнами произошел обмен? Этот человек не саботажник, а существо из другого мира — он шпион! Вы как раз подыграли ему, предоставив возможность разведать о наших планах.

Торн почувствовал враждебность со стороны этого Слуги Народа. Он невольно отступил на шаг, но был не в силах отвести взгляда от этих людей.

Председатель опустил руку.

— У нас осталась единственная возможность. — Он вынул руку из-под стола: она сжимала блестящий предмет. — Мы должны уничтожить это чуждое для нас существо, прежде чем у него появится возможность к повторному обмену…

Оцепеневший Торн увидел, как Клоули-2 прыг-

нул вперед.

— Нет! — услышал он его крик. — Погодите! Разве вы не ви…

Больше он ничего не разобрал, но предполагал, что хотел поведать.

Клоули-2 и почему именно это он хотел сказать. Теперь Торн-1 знал точно, как Торну-2 удалось перед лицом смерти поменяться с ним местами. В настоящий момент его не волновали намерения председателя: любые действия его не принесут успеха. Наконец-то он отыскал необходимый импульс — это был блестящий предмет, зажатый в руке председателя.

Казалось, цепи, сковывавшие его до сих пор, вдруг разлетелись, и он погрузился в глубокую, безбрежную тьму…

Глава 10

Торн не спрашивал себя, почему он выбрал местом своего отдыха темное, затхлое и жесткое место. Он не пытался выяснить, откуда доносился запах горящего дерева. Торн был доволен тем, что может лежать здесь и медленно приходить в себя. В первую очередь он хотел забыть об ужасном путешествии, которое, к счастью, уже позади. Торн содрогался при одной лишь мысли о Мире-2. Ему казалось, что он очнулся после тяжелого гнетущего сна.

В следующее мгновение Торну надо проснуться и выполнить все запланированное. Он успокоится только тогда, когда предупредит мир о грозящей опасности и предпримет все необходимое, обеспечивающее крах предстоящему вторжению. Для этого нужно мобилизовать все силы.

Но сначала Торн погрузился в абсолютный покой, до конца испив наслаждение от мирного мгновения.

Торн удивился, что не закашлялся от дыма костра и ему так удобно лежать на жестком ложе.

Издалека донесся неприятный вой: звучал он

приглушенно, словно исходил из глубин земли. А прозвучал угрожающе.

Торн немного приподнялся. Его рука коснулась скалистого потолка и медленно ощупала скальные стены по обеим сторонам ложа.

Торн понял, что вой доносился не из глубин земли, а откуда-то сверху, ибо он сам находился в какой-то норе.

Что, черт побери, мог делать Торн-2 в пещере Мира-1?

Почему на нем оказалась эта тяжелая странная одежда, состоявшая из шкуры и высоких сапог?

Зачем ему этот длинный нож, торчащий за поясом?

Темнота вокруг таила в себе опасность. Торн в лихорадочной спешке, еще раз ощупав пространство вокруг себя, установил, что он находится в своеобразной камере, в центре которой он мог стоять почти во весь рост. В стенах просверлены дыры, пол неровный.

В одной из стен заметно отверстие внизу. Торн опустился на четвереньки и медленно влез в него.

Узкий полый проход вел вверх, по пути запах дыма усилился. Через несколько поворотов замерцал серый сумрачный свет дня.

Тоннель стал шире и выше; теперь Торн мог выпрямиться во весь рост. Перед ним простиралась широкая пещера, ведущая наружу.

Перед пещерой распростерлась плоская местность, состоящая главным образом из нагромождений осколков скал и нескольких взъерошенных ветром елей. На земле лежал толстый белый снежный покров.

Торн лишь скользнул беглым взглядом по этой местности; его внимание привлек костер у входа в пещеру. От поднимающихся клубов дыма окружающий мир приобретал расплывчатые очертания.

Костер снова как-то привлек его внимание. Торн и сам не знал, почему. Разглядывая его более внимательно, Торн отметил: костер разложен и разожжен очень умело. Поленья сложены таким образом, что падают в огонь только при сгорании предыдущих. Неважно, кто разложил этот костер; важнее тот факт, что этот человек стремился обеспечить горение поленьев в костре в течение многих часов.

Почему он тратит время, с удивлением разглядывая этот умело сложенный костер?

Оторвав взгляд от пламени, Торн повернулся назад в своих тяжелых сапогах, добытых бог

знает где Торном-2, и подошел снова ко входу в пещеру.

До его слуха донесся скрежет когтей по скале — создавалось впечатление, будто быстро удирал зверек.

Перед пещерой круто вниз уходила скальная стена, а на дне маленькой долины угадывалась замерзающая река. Над долиной висели тяжелые, серые облака: сгущались сумерки. Горизонт не просматривался — его закрывали вздымающиеся ввысь скалы. Было ужасно холодно.

Вся декорация возле пещеры показалась ему весьма знакомой.

Может быть, Торн-2 сошел с ума?

Иначе зачем же ему забираться в пещеру?

Будто именно он предусмотрел такой шаг, хотя трудно понять, как ему удалось за такое короткое время воплотить свой замысел.

Было бы сумасшествием вернуться в собственный мир и умереть от голода в этой захолустной дикой местности или пасть жертвой диких зверей, которые, несомненно, бесчинствуют здесь.

Первым делом Торну нужно взобраться на скальную стену, возможно, оттуда будет виден какой-нибудь знакомый небоскреб — прекрасный ориентир.

Вдруг Торн понял, что эта долина имеет огромное сходство с той, что находится рядом с театром на открытом воздухе: ведь в детстве они с Клоули часто бродили по ней. Слишком характерной и незабываемой была форма реки.

И все-таки это не та самая долина!

Совсем иной погодный пояс, и лес на зеленых холмах намного гуще. Кроме того, определенно существует много похожих долин.

Торн осмотрел тяжелую одежду, которую носил Торн-2. Его взгляд упал на ладони — и он, пораженный, зажмурился.

Он долго сидел с закрытыми глазами, и даже когда над ним зашуршал какой-то зверек и со скалы посыпались мелкие камешки, он не поменял позу.

Торн принял решение взобраться на скальную стену; оттуда лучше сориентироваться и определить свое местонахождение, а уж потом заняться подробным изучением своих рук и лица.

Это, скорее, принуждение, нежели свободный выбор.

Он подошел к каменной скамье у входа в пещеру; у него опять появилось мимолетное ощущение, будто где-то поблизости какой-то маленький зверек обратился в бегство. Он едва

ли был больше кошки.

Торн поднял взгляд вверх и отыскал тропинку, извилистую, ведущую к вершине. И затем начал подниматься.

Через несколько шагов он увидел то, что заставило его застыть на месте.

Примерно в десяти метрах впереди на выступе скалы неподвижно сидели три кошки, разглядывая его.

Несомненно, это были обычные домашние кошки, хотя и со странно густым мехом.

При нормальных обстоятельствах невозможно найти кошек в отдаленной, слишком испещренной расщелинами местности. Присутствие этих животных указывало на близость людей и человеческого жилья.

Поскольку кошки не испугались Торна, можно было судить, что вид человека знаком им. Но почему же они удирали, если это действительно было так?

— Кис! — позвал он. — Кис-кис!

Звук, казалось, замирал в холодном воздухе.

Ему ответила черно-серая кошка, сидевшая справа.

Эхо не воспроизводило точно слово «кис», скорее, протяжное мяуканье, которое разносилось

гулко среди каменной пещеры таким ужасным звуком, что по спине пробегала холодная дрожь.

— Кии-ис.

И Торн вдруг испугался.

Его нога зашуршала по скале, и кошки скрылись из виду.

Он храбро продолжил свой трудный путь, порой продираясь через густые заросли; разносилось странное эхо — звучал его голос; ему казалось, что кошки следуют за ним на его призыв по какой-то скрытой от него тропинке рядом.

Мысли Торна непроизвольно переключились на проблему интеллекта домашних кошек. Человек много веков пытался укротить это животное, навязав ему свою волю; однако это удалось не вполне, ибо кошки везде каким-то образом сохраняли свою независимость.

Вдруг до него донесся иной шум: это прозвучал тоскливый вой, который он слышал еще в пещере.

Так могла выть стая волков или собак; вой доносился из глубины долины.

Небо быстро темнело.

Торн сравнительно легко одолел крутой подъем: напрасно он опасался. Дышать становилось труднее, но дыхание оставалось довольно ров-

ным. Он мог продолжать свой путь, но нуждался в передышке.

Здесь, на вершине, росли лишь отдельные деревья. Тропа широкими изгибами постоянно поднималась к вершине.

Над Торном простиралась стена с узким выступом; на нем опять уселись три кошки, внимательно следя за ним. Их склоненные головы свидетельствовали, что они устроили своего рода конкуренцию, в центре их обсуждения, несомненно, оставалась его личность.

Из глубины долины снова донесся протяжный вой. Кошки навострили уши.

Когда Торн снова двинулся в путь, одна из кошек — черно-серой окраски — прыгнула, едва не угодив в него, и исчезла внизу. Остальные две сопровождали его по тропинке сбоку.

Он ускорил шаги.

Дорога стала ровнее, и Торн быстрым шагом двигался вперед.

Из долины снова донесся вой, но кошки упрямо следовали за ним к вершине.

Все шло нормально, и его тело не испытывало чрезмерных нагрузок при подъеме; наступили сумерки.

Торн долго смотрел по сторонам. Мысли и ощу-

щения теперь не играли никакой роли — все зависело от зрения.

Здесь, наверху, было еще довольно светло, ничто не загораживало горизонт. Вплоть до самого горизонта простирался белый снежный покров. Где-то вдали вздымалась крутая, покрытая льдом гора.

Единственный признак наличия жизни — тонкий столб дыма, поднимающийся к небу в некотором отдалении.

Торн некоторое время заставлял себя не смотреть на руины, попадавшие зачастую в поле зрения. То были причудливые развалины домов и зданий, вздымавшиеся посреди гигантской застывшей лавы.

Мир руин, освещенный последними лучами заходящего солнца.

Но Торн продолжал думать, его мысль работала. Его предположение относительно долины оказалось совершенно правильным. Эти покрытые снегом и льдом кучи обломков — не что иное, как бывшее здание Опалового Креста.

Везде были видны следы и останки громадных небоскребов, в которых когда-то размещался целый город. Некоторые обломки стен круто вздымались вверх, будто простирались к небу

руки.

Это гигантское поле руин вряд ли могло быть Миром-1, даже если мир подвергся катастрофе. Нигде не найти следов Голубого Лорена и некоторых других небоскребов, внешний вид которых прочно врезался в память Торна.

Это и не Мир-2, ибо там в небо вздымались бы развалины Черной Звезды.

Торн посмотрел на свои руки.

Они сплошь покрыты твердыми мозолями и местами обморожены. Потрескавшаяся кожа, грязные ногти — и все же это, несомненно, были руки Торна.

Он, прижав ладони к лицу, ощупал щеки, нос, подбородок, почувствовал щетину на подбородке, коснулся длинных прядей волос под меховой шапкой.

Одежда Торна состояла из сшитых вместе меховых шкур и подбитых мехом сапог с мягкими подошвами.

На бедрах был затянут широкий пояс, а под ним два больших кармана. За пояс заткнут длинный нож.

В одном кармане находилась праща с толстой резиновой лентой и множеством гладких круглых камней. Там же лежали три потемневших

куска мяса сомнительного происхождения.

В другом кармане Торн нащупал две упаковки высококонцентрированных питательных таблеток, на которых стояла дата выпуска двадцатилетней давности, маленькую фляжку, кремень, несколько пластмассовых книг-лент, пластмассовую лупу, свитый из жил животных шнур, маленький нож, каким пользуются резчики по дереву, массу неопределенных предметов и, наконец, крохотный гладкий серый предмет, присвоенный им во время симхромии об Игдраэшле.

Торн попытался внушить себе, что подобного поступка он не совершал, и у него оказался совсем иной предмет, хотя его пальцы поглаживали гладкую поверхность и ощупывали металлический цилиндр. Торн вспомнил, как считал его супергигантской молекулой, ключом, которым можно при правильном применении открыть двери в скрытые миры.

Торн подумал, что эта штука несомненно связана с его душой, а не с телом, которое уже претерпело различные изменения. Тут же невольно он задал вопрос: как же могло получиться, что предмет не обнаружили во время тщательного обыска в здании Черной Звезды.

Его внимание отвлек шум сзади, будто раздался щелчок.

Торн обернулся.

На тропинке, по которой он только что поднялся до вершины, появилась стая волков или собак — самое малое — штук тридцать. Стая бежала тем же путем, что преодолел Торн. Животные в стае явно придерживались какой-то определенной дисциплины. В сумерках Торну почудилось, что на некоторых животных воцарились маленькие существа, напоминая странных всадников.

Теперь Торн понял, зачем у входа в пещеру разожгли костер.

Стая оказалась между ним и костром. Торн, резко повернувшись, заторопился туда, где поднимался к небу дым.

На ходу Торн сунул в рот одну из таблеток концентрата, благодарно подумав о том Торне — он хотел его назвать Торном-3, — который так долго хранил эти таблетки, чтобы теперь попытаться придать ему новые силы.

Торн, не снижая темпа, заторопился по покрытому льдом плато. Когда таблетки подействовали на его кровообращение, он смог повысить темп. Оглянувшись через плечо, Торн убедился, что стая достигла вершины. Вой усилился.

Сквозь наводящую ужас тьму перед ним вспыхнул яркий свет.

По дороге встречались различные препятствия, и было чудом, что у него остались целы ноги. Красноватый свет становился все ярче, и Торн чувствовал: сзади его нагоняет стая.

Он подбежал к огню в последнее мгновение. Один из зверей, оторвавшись от стаи, прыгнул на него сзади. Торн, выхватив из-за пояса нож, повернулся назад. Его взгляд мельком упал на человека, сидевшего на корточках у костра с копьем в руке.

Разразилась настоящая битва, кругом злобное шипение, щелканье, рычание, сверкают белые клыки и мерцают красные глаза. В стороне три кошки, сидящие на спинах волкоподобных собак, по-видимому, дирижировали атакой стаи.

Вдруг, будто по неожиданной команде, звери бросились назад, и все внезапно прекратилось.

Не обменявшись ни единым словом, Торн и второй мужчина принялись наводить порядок, укладывать разбросанные тлеющие поленья. Скоро все следы сражения были ликвидированы.

— Они наверняка поймали тебя где-то? — спросил мужчина. — Возможно, у меня развито воображение, но мне сдается, что проклятые

звери в последнее время попортили собак: у них отравлены клыки.

— Я так не думаю, — ответил Торн и начал осматривать руки, ища раны.

Мужчина кивнул.

— У тебя есть какие-нибудь продукты? — неожиданно спросил он. Торн ответил ему утвердительно и показал запас таблеток концентрата, что произвело на незнакомца огромное впечатление.

— Мы, безусловно, могли бы поохотиться вместе. Это намного лучше: один охраняет стойбище, пока другой спит.

Его слова вырывались торопливо и бессвязно, а голос дрожал, словно он давно не разговаривал. Мужчина искоса разглядывал Торна.

Торн, со своей стороны, рассматривал его гораздо детальнее. Незнакомец был немного ниже Торна и при ходьбе слегка прихрамывал. Лицо не казалось Торну незнакомым. Покрасневшие веки под густыми бровями создавали впечатление болезненности у этого человека. Присутствие Торна у костра, вероятно, как-то раздражало его.

— Откуда ты пришел? — спросил мужчина.

— Из пещеры в долине, — ответил Торн, одновременно задумываясь, насколько откровенным

он может быть. — А как дела у тебя?

Мужчина медлил, глядя на него. Неожиданно он затрясся всем телом.

Торн присел на корточки у пылающего костра, его взгляд был направлен вдаль, в темноту, где то тут, то там вспыхивали пары красноватых глаз. У него создавалось впечатление, что история, рассказанная сейчас ему, была известна давно.

— Меня звали Даркингтон, я был студентом-геологом. Когда началась эта адская потасовка, я как раз находился в горах — и это спасло мне жизнь. Мы все, конечно, предчувствовали, что несчастье случится когда-нибудь, верно? Это уже витало в воздухе. Мы предполагали: однажды произойдет взрыв — результат скрытых опытов с магнетизмом, гравитацией и электричеством. — Было заметно, что ему трудно выговаривать слова. — Чем больше такие исследования скрывались от общественности, тем увереннее мы были в своих убеждениях: соответствующие изобретения существуют. Я убежден, подобные вещи вообще нельзя скрывать от народа. С мыслящими созданиями так поступать просто нельзя. Значит, я находился в горах, когда началась заварушка: в мгновение ока расплавились все металлы. Наша маленькая группа попала под

облако дыма, двое умерли от удушья. Сначала мы пытались связаться с другими экспедициями, но в нашем районе дым становился все гуще, а после смерти еще двоих мы разбрелись в разные стороны. Потом я примкнул к группе мужчин; мы попытали счастья сначала как фермеры в районе севернее вулкана, но наделали достаточно ошибок. Когда же миновала первая долгая зима, нам пришлось распрощаться со всеми нашими надеждами, ибо климат резко изменился. Не хватало растительности, которая отдает в воздух необходимое количество кислорода. Потом я примыкал несколько раз к различным группам, бродившим по окрестным районам. Но когда появился каннибализм, а собаки и кошки становились все опаснее, я вернулся в этот район и, как видишь, с грехом пополам влачу свое существование.

Он повернулся к Торну. При необычном напряжении голос его зазвучал хрипло.

Торн покачал головой и уставился в темноту.

— Должен быть какой-то выход, — проговорил Торн медленно. — Этот путь, конечно, опасен, ибо ставка в этой игре — наша жизнь, но путь должен существовать.

— Путь? — непонимающе спросил другой.

— Да, дорога в тот район, где люди уже начали восстание. Я думаю, этот район находится где-то на юге. Может быть, нам придется искать эту местность очень долго, но мы обязаны найти ее.

Наступила долгая пауза. Незнакомец скользнул по Торну странным сострадательным взглядом.

— На тебя плохо подействовали сны, — пробормотал он тихо. — У меня тоже часто так бывает, эти сны оказывают такое сильное влияние, что я временами воображаю, будто все еще по-старому, как раньше. Но это только сны. Нет никаких общин. Некому больше восстанавливать цивилизацию. Разве только... — он махнул рукой во тьму, — ... разве только вот эти дьяволы возьмут на себя решение такой задачи.

Глава 11

Клоули-1 шел по коридорам и пустым переходам Голубого Лорена к кабинету Октава, и чувство вины давило на него.

Клоули спрашивал себя, не потерял ли он рассудок, как, впрочем, и Файрмур и его сотрудники, симулировав нападение с Марса. Неужели они находятся под каким-то воздействием, грозящим превратить разумный мир в хаос?

Симуляция нападения с Марса, как он и надеялся, имела успех; это даже превзошло его ожидания: он размышлял об увиденном здесь, в здании, — растерянность, суматоха указывали отчетливо на результат информации об угрозе с Марса.

В ближайших и дальних окрестностях Голубого Лорена царило лихорадочное движение. Целые потоки колонн с запасами тянулись к равнине и рассредоточивались на специально отведенных для этого местах. Очень скоро стало понятно, что высокие небоскребы были под наибольшей угрозой нападения из космоса.

Вокруг гигантской башни Голубого Лорена уже установлены субтронные орудия большого калиб-

ра. Если эти небоскребы окажутся под обстрелом из космоса, то они, поскольку представляют современные достижения человечества, должны быть защищены любой ценой.

Взоры людей устремились вверх, стоило оттуда донестись громовому реву космического корабля. И все облегченно вздыхали, увидев, что корабль не принадлежит к вражескому флоту, а является собственностью Земли и совершает полет к следующей космической гавани, где должен оснаститься субтронным оружием. На западном горизонте установлены защитные лучевые поля; после их апробации в пламени исчезла узкая полоска леса.

Люди удивленно посматривали друг на друга; выражение их лиц выдавало недоумение — они едва ли верили в предстоящее вторжение, хотя все-таки окончательно отбросить такую возможность нельзя.

Клоули гордился таким поведением людей, но его мучили сомнения, правильно ли было распускать подобные слухи.

Отдельные оборонные и защитные мероприятия не ограничивались, конечно, только зданием Голубого Лорена, они проводились повсюду. Использование субтронных сил сделало возмож-

ной такую подготовку, какой еще никогда не знала история Земли. Слабым местом осталась организация дела, ибо люди привыкли жить в мире, пользуясь полной личной свободой; правда, для проведения требуемых мероприятий на всех предприятиях были открыты агентства по безопасности, а Всемирный Комитет взял на себя командование боевыми силами. Большинство мероприятий проводилось несколько беспорядочно, но все с огромным энтузиазмом принялись за работу, чтобы защитить Землю от нападения.

Дела шли даже намного лучше, чем ожидал Клоули, и теперь он торопливо направлялся к кабинету Октава. Да, он все привел в движение, а теперь нити правления ускользают из его рук. Ему оставалось только ждать и надеяться, что оборонительные мероприятия окажутся эффективными, если состоится вторжение, причем Клоули знал, что враг придет не из космоса, а из времени.

Нападение должно произойти в ближайшие часы — ведь сегодня уже третий день.

А если вторжение из времени не состоится в течение этих трех дней?

Обман мог обнаружиться в любое мгновение, и Файрмур тоже жалеет, что согласился на такую

авантюру.

А если ожидаемое вторжение на Землю вообще не состоится?

Ведь доводы об опасности основывались на совсем слабых доказательствах — исследованиях Торна, некоторых психологических соображениях и несвязных словах, которые пробормотал Конджерли:

— … Вторжение… три дня…

Клоули понимал: в любой момент он может пробудиться от тяжелого сна и быть представленным перед судом за шарлатанство.

Долго его нервы не выдержат. Ему повсюду не хватало Торна. Клоули никогда еще с такой ужасной отчетливостью не чувствовал, насколько они были зависимы друг от друга.

А Торн до сих пор не объявился, все поиски были тщетны. Перевозбужденная фантазия Клоули уже сыграла с ним злую шутку, когда ему почудилось, что он увидел Торна среди людей у Голубого Лорена.

Да, Торна не хватало, но еще больше не хватало Октава.

Теперешний пик кризиса заставил Клоули снова вернуться к мыслям об Октаве: как много значили для него его советы. С упоминанием

имени Октава началась акция о возможности вторжения, а теперь мероприятия, предпринятые против угрозы этого вторжения, заканчивались.

Может быть, это суеверие или гипнотическое воздействие, но Клоули полностью доверял Октаву, допуская возможность, что тот обладает способностями, намного превосходящими потенциал простых смертных. После исчезновения Октава он чувствовал себя маленьким ребенком: его отчаяние уже достигло своего предела. Клоули уже не мог противостоять настойчивым импульсам, заставлявшим его вернуться в кабинет Октава.

Пока Клоули приближался к двери, ему вспомнились предыдущие беседы в этой комнате. Он размышлял о своем последнем разговоре с Октавом, прерванном в связи с появлением того самого существа в одежде раннего средневековья. А немного погодя исчез и Октав, и его странный посетитель, причем непонятным образом.

Клоули еще не успел коснуться двери, как она бесшумно отворилась.

За столом в своем обычном одеянии сидел Октав.

Клоули, словно во сне, переступил порог.

Октав, как всегда, производил впечатление

очень старого человека, но Клоули показалось, что за прошедшие три дня Октав еще больше постарел. Видимо, он был на пределе сил. Его морщинистые руки лежали на столе, изможденное лицо походило на лицо мертвеца. Но в его впалых глазах все еще горел прежний огонь. Октав производил впечатление, что полон непоколебимой решимости сконцентрировать все свои знания и без раздумья применить их.

По спине Клоули пробежала холодная дрожь.

— Я был в долгом путешествии, — сказал Октав. — Посетил многие миры, которые давно стали мертвыми; я видел, к чему может привести, если смертные будут пользоваться силами, предназначенными природой только богам или богообразным существам. Я в постоянной опасности, ибо существуют те, против кого я взбунтовался и кто поэтому посягает на мою жизнь. Но сейчас я чувствую себя в относительной безопасности. Присаживайся, мне нужно поделиться с тобой некоторыми моими мыслями.

Клоули подчинился требованию. Октав слегка наклонился к нему и постучал своими длинными костлявыми пальцами по столу.

— Я очень долго говорил с тобой загадками, — продолжал он. — Я вынужден был ограничиться

намеками, поскольку пытался вести двойную игру. Я хотел дать тебе несколько указаний, но таким образом, чтобы ты не раскрыл мои замыслы. С этим покончено. Отныне я буду говорить с тобой совершенно откровенно. В ближайшее время я буду втянут в отчаянную авантюру. Если добьюсь успеха, то тебе не нужно будет беспокоиться о грозящем твоему миру вторжении. Но мой план может провалиться, поэтому я передам тебе всю информацию, которой располагаю, чтобы ты в таком случае мог сам продумать необходимые меры.

Он быстро взглянул вверх.

Клоули услышал тихий шуршащий звук, но он доносился не из коридора, а из маленькой соседней комнаты.

На пороге двери, соединяющей обе комнаты, возникла такая же темная фигура, какую Клоули уже видел на этом месте раньше. Совершенно застывшее лицо этого странного человека было обращено к Октаву. Правая рука, вытянутая вперед, нацелена точно на Октава.

Клоули едва успел бросить взгляд на темный силуэт, а Октав даже не нашел на это времени: пока он медленно поворачивал голову и, казалось, пытался понять, что происходит, из руки

этого человека вырвалось голубое пламя.

На глазах у Клоули на Октаве вспыхнула одежда, тело его обмякло, а затем съежилось, он несколько раз слабо дернулся — и все стихло.

Голубое пламя снова возвратилось к темной фигуре и исчезло в его руке.

Клоули лишь оцепенело наблюдал за происходящим, потеряв всякую способность соображать.

Фигура в темном подошла к письменному столу Октава. Ее движения отличались неловкостью, словно этот человек не привык к трехмерному миру — да, по всей видимости, он с полным презрением смотрел на этот мир.

Скупыми движениями темная фигура порылась в останках Октава и извлекла маленький серый предмет, по внешнему виду не отличающийся от того, что находился в вытянутой руке прибывшего человека.

Незнакомец скользнул по Клоули беглым взглядом и исчез за дверью, откуда пришел.

Клоули, скорчившись, застыл на своем стуле. Он не в силах был отвести взгляда от убитого, превратившегося теперь в мумию. По какой-то случайности голубое пламя не затронуло высокий лоб Октава — поэтому цвет кожи на лбу был явно контрастом черноте останков обгоревшего

тела.

Дверь в коридор открылась, но Клоули все еще продолжал сидеть в оцепенении.

Он слышал свистящее дыхание посетителя, когда тот увидел мертвое тело, но посетитель лишь тогда подошел к Клоули, когда тот сам заметил вошедшего. Но и в тот момент Клоули не выразил ничего — ни удивления, ни потрясения.

Клоули все еще не пришел в себя от пережитой сцены, он не мог ни чувствовать, ни думать. Его мысли и чувства были сконцентрированы на мертвом Октаве.

Посетитель заметил состояние Клоули.

— Да, — сказал он. — Я — Торн, но ты, кажется, уже знаешь, что я не тот Торн, что считался твоим другом, хотя я нахожусь в его теле.

Клоули слышал слова как бы издалека, ему стоило большого напряжения разобрать их вообще. Он должен изо всех сил воспротивиться этой летаргии.

— Другой Торн, — продолжал посетитель, — занял мое место в ином мире; еще три дня назад я с удовольствием представлял, как он там страдает. Я ведь был вашим врагом — его и твоим, — но теперь я не совсем уверен в этом. Меня постепенно начала терзать мысль: наверное, мы даже

должны помогать друг другу. Во всяком случае, в моих руках жизнь многих людей, и я не смею рисковать. Попытаюсь объяснить.

При этих словах Торн показал маленькую вещь в своей руке. Излучатель разрушительной силы.

Клоули медленно повернулся к посетителю, ему было бесконечно трудно отвести взгляд от тела Октава. Да, это лицо Торна, но черты его лица выражали необычайную решимость.

— Я следил за тобой, — продолжал посетитель, — так как я узнал из памяти Торна, что вы оба старались защитить существующий мир от угрозы. В последнее время произошли события, после которых у меня появились сомнения. Эти события требуют объяснения. Что означает эта мнимая угроза с Марса? Действительно ли существует такая опасность? Или это только попытка подготовить ваш мир к любой авантюре? Может быть, преследуется иная цель — вызвать всеобщую растерянность для облегчения вторжения Слуг Народа? Почему ты оказался именно в этой комнате? Кто этот мертвый и при каких обстоятельствах он убит?

И он с отвращением показал на тело Октава.

— Кое-что я уловил из разговора, это усиливает мои подозрения: за мнимыми мирами кто-то

скрывает свои истинные намерения. Кто-то, кому это выгодно, кто…

Посетитель неожиданно замолчал, лицо его застыло. Он медленно начал поворачиваться, будто почувствовал присутствие какого-то чудовища.

Клоули вздрогнул по той же самой причине.

Это было лишь тихое шуршание, похожее на сдерживаемый кашель, но шум доносился из-за письменного стола.

Скрюченное тело слегка шевельнулось. Черные руки медленно поднялись, оставляя на столе темные следы. Вздрогнул обгоревший подбородок.

Оба мужчины, затаив дыхание, не отрываясь, смотрели на труп.

Постепенно обугленные губы открылись, и они услышали тихий шепот, с трудом произносивший обугленными губами:

— Я уже должен быть мертвым, но тело владельца Талисмана необыкновенно живуче. Мои глаза выжжены, но я все же могу вас видеть. Подойдите ближе: я хочу доверить вам тайну. Я должен сделать завещание, у меня осталось мало времени. Подойдите ко мне, чтобы я мог поведать вам, что нужно сделать для спасения мира.

Они испуганно подчинились. У обоих пот выступил на лбу.

— Чисто случайно человек раннего средневековья обнаружил Талисман — маленький предмет, подчиняющийся мысли и дающий своему владельцу возможность путешествовать во времени и даже сквозь его границы. Потом этот человек попал к семи другим владельцам Талисманов — для создания аппарата, обладающего силой грандиозной мощности, этот прибор он назвал Генератором Вероятностей. Он вступил в союз с семью остальными, одним из которых был я. Мы все вместе использовали власть Генератора Вероятностей, чтобы создать всевозможные миры, изменить течение времени и сохранить самый лучший мир, убедившись в уничтожении остальных миров.

Клоули и Торн склонились над столом и уставились на выделяющийся ярким пятном лоб на обугленном лице.

— Но однажды я был вынужден убедиться, что якобы уничтоженные миры все же существуют. А я слишком хорошо представлял, что может произойти в этих других мирах, если они изобретут подобные приборы и будут обладать соответствующими знаниями. Вы должны при любых обстоятельствах предотвратить такое развитие мысли и Вселенной, какое старался

предотвратить и я. А главное — вы должны постараться отыскать Генератор Вероятностей и его настоящего владельца, который будет неземным существом. Это существо создало Генератор и каким-то образом потеряло первый Талисман. Только неземное существо в силах решить созданные нами проблемы. Для поисков Генератора Вероятностей вам обязательно потребуется Талисман. Терс, только что уничтоживший мое тело, забрал мой Талисман, который я выкрал. Мой первый Талисман у меня украл Торн — Торн нашего мира, который, по-моему, действовал под импульсом законного владельца Генератора Вероятностей, не исключено даже, совершенно бессознательно. Это законные владельцы постоянно пытаются вновь и вновь овладеть утерянным Генератором. Торн нашего мира сейчас бесконечно далеко — намного дальше, чем вы в состоянии вообразить. Но ты… — при этих словах его черный палец коснулся Торна, и тот не уклонился от этого прикосновения. — … Ты можешь… с ним… связаться… сквозь мир общих мыслей…

Шепот теперь был едва слышен.

— Талисман, что у него, заряжен. Нужно только одно слово… ключевая мысль, чтобы освободить его силу. Ты должен… передать… ключевую

мысль. Эта мысль… это «Три… различных… мира…»

Шепот стих, и голова Октава бессильно упала на грудь.

Клоули, подставив под лоб ладонь, осторожно опустил голову Октава на стол, потом, медленно подняв глаза, уставился на другого Торна.

Глава 12

Высокий Небесный Зал Опалового Креста изменился так сильно, что вряд ли можно было определить, как он выглядел всего три дня назад. Лишь карта Земли и карта Вселенной все еще занимали большую часть помещения. На карте Земли светилось множество маленьких огоньков: они указывали расположение космопортов, оборонные объекты, военные штабы. На звездной карте тоже сияло большое количество огоньков, главным образом вблизи сектора Марса, представляя фактическое расположение космического флота.

Оборонные мероприятия Земли не шли ни в какое сравнение с могучей силой гипотетического марсианского флота, вторгающегося с Марса на Землю. Это, казалось, была армада, против которой сопротивление бесполезно.

Остальные стены Небесного Зала были заполнены всевозможной аппаратурой: экранами, субтронными счетными машинами и различными приборами, с помощью которых легко обозревать Вселенную с центрального стола. Ответственность за деятельность одного из

секторов с соответствующими устройствами возлагалась на штаб-квартиру, устроенную в здании Опалового Креста. Иные сектора осуществляли связь с другими наблюдательными и контрольными пунктами постоянно.

В настоящий момент отдельные места осуществляющих контроль в секторах были не заняты. Никого не беспокоили выключенные вычислительные машины и другие приборы. Длинные ряды экранов были серыми и безжизненными. Создавалось впечатление, что они выставлены в каком-то музее.

Лица сидящих за центральным столом мужчин пепельно-серого цвета, растерянные Это члены Всемирного Комитета.

Председатель Шилдинг мрачно уставился в одну точку. Конджерли и Темпельмар вели себя весьма пассивно. Клоули тоже казался апатичным, но по нему было видно: достаточно малейшего толчка, чтобы встряхнуть его. Рядом с ним сидел Файрмур; у него на лбу блестели капли пота.

Шилдинг стоял прямо у стола, объясняя остальным членам Всемирного Комитета, почему обслуживающий персонал отдельных приборов и устройств удален из зала.

Голос его звучал холодно и рассудительно.

— Когда, — продолжал он, — астрономические снимки недвусмысленно показали, что в окрестностях Марса нет никаких приготовлений к наступательным мероприятиям — даже ни малейшего признака присутствия вражеского космического флота, — я не имел права медлить. Под свою личную ответственность я отменил все мероприятия, необходимые для обороны, и приказал немедленно прекратить все действия, связанные с приведением в боевую готовность средств обороны. Это критическое событие произошло полчаса назад.

Неожиданно на стене зала засветился один из экранов. Словно в открытом окне, на фоне экрана показалось лицо молодого светловолосого мужчины. Видимо, он растерялся, увидев многочисленные приборы в зале без обслуживающего персонала. Он, посмотрев по сторонам, включил свой усилитель.

— Сообщение из физического штаба: в непосредственной близости от данного места замечены дискретные темпоральные изменения. Возможные причины пока установить нельзя…

— Вы получили приказ о немедленном прекращении всех оборонительных мероприятий? —

перебив его, резко спросил Шилдинг.

— Да, но я думал…

— Мне очень жаль, — проворчал Шилдинг, — но этот приказ касается и вашей службы.

— Ага, — пробормотал молодой человек и, помедлив, кивнул и исчез с экрана.

Казалось, в зале никто не придал значения короткому диалогу. Конджерли и Темпельмар казались еще безучастнее, чем прежде. Шилдинг снова повернулся к собравшимся.

— Более того, мы после расследования приходим к выводу, кто мог быть инициатором и дезинформатором этого преступления, жертвой которого уже пали более сотни человек. В основном люди погибли в ходе подготовки всевозможных оборонительных сооружений в результате несчастных случаев.

При этих словах лицо Файрмура смертельно побледнело.

— Несомненно, был поддержан соответствующий слух об участии космической экспедиции против нас. Другого объяснения нет. В первую очередь давайте займемся виновниками подобного слуха. Я с сожалением должен констатировать, что подозреваются только два определенных человека. По признаниям трех сообщников…

— Сообщение с третьего центрального пункта. — Опять засветился один из экранов на столе, на этот раз усилитель звука был уже включен. — Станция-4 только что прорвалась ко мне с важным сообщением. Речь идет о неизвестной опасности, которая каким-то образом влияет на наши приборы.

— Мы не хотим никаких сообщений! — вне себя от ярости заорал Шилдинг. — Лучше обратитесь к вашему непосредственному руководству, если вам нужны какие-то указания.

— Понял вас, — кратко ответил человек, и экран снова стал серым.

— Вы сами видите, господа, — горестно продолжал Шилдинг, — как трудно остановить подобный слух. Наперекор всем нашим стараниям несчастные случаи не прекратятся и дальше, пока люди снова не придут в себя.

Он огляделся по сторонам, сделав паузу.

— Клоули и Файрмур! Что вы можете сказать в свое оправдание? Не хотите ли вы признать, что показания даны вашими подчиненными, желавшими оказать вам услугу? На всякий случай я хотел бы поставить вас в известность, что у нас есть свидетельства еще двух членов Комитета, имена которых пока должны оставаться

в тайне…

— Я не вижу для этого причин, — прервал его Темпельмар.

— Большое спасибо, — кивнул ему Шилдинг. — Тогда я могу объявить вам, что выносится вопрос о показаниях Конджерли и Темпельмара.

Он снова повернулся к обвиняемым.

Файрмур уставился перед собой — на крышку стола. Клоули твердо смотрел в глаза Шилдингу И снова засветился один из экранов, нарушив тишину зала.

— Сообщение из центра оповещения-4! Информация о внезапном появлении вооруженных существ в темных незнакомых одеждах…

— Не мешайте нам! — раздраженно крикнул Шилдинг. — Обратитесь к вашему непосредственному начальству! Передайте ему, чтобы впредь все сообщения передавались на первый пункт оповещения.

Экран погас.

Шилдинг нажал главный переключатель: дальнейшие передачи отключены.

Клоули встал, лицо его было серьезным и совершенно спокойным. Видимо, его по-своему веселила неспособность этих людей решать серьезные вопросы.

— Да, это была ложная тревога, — сказал он ледяным тоном, — и я планировал данное мероприятие один. Но это ведь необходимо: нужно было предупредить мир о той, другой агрессии, о чем я уже говорил вам три дня назад. Передовой отряд атакующих уже находится среди нас. Естественно, Конджерли и Темпельмар выскажутся против меня, ибо именно они относятся к этому передовому отряду.

— Вы сошли с ума! — воскликнул Шилдинг. — Да вы же сумасшедший! Меня только удивляет, как это вы до сих пор скрывали от психиатров. Не спускайте с него глаз! — крикнул он сидящим рядом с Клоули. — Я сейчас вызову охрану!

— Не двигаться! Это касается и вас, Шилдинг! — Клоули отступил на шаг, и в его правой руке блеснул металлический предмет. — Вы правильно сообразили, что я изобрел это вторжение-атаку с Марса, но вы должны понять: я ни перед чем не остановлюсь, чтобы вдолбить вам правду. Вы же как толпа дураков! Неужели вы ослепли и не видите, что происходит на ваших глазах? Неужели вы даже не поняли смысла сообщений, только что прозвучавших здесь? Немедленно свяжитесь с центром оповещения-1, Шилдинг! Быстро, вопрос идет о жизни и смерти!

В это мгновение Файрмур резко повернулся, схватив Клоули за руку. Оба упали на пол. Металлический предмет выскочил из руки Клоули и со стуком упал на пол. Файрмур отдернул руку Клоули.

— Мне очень жаль, — отчаянно прохрипел Файрмур. — Но я действовал в ваших интересах. Мы и в самом деле ошибались, причем по всем направлениям. Теперь нам ничего не остается, как ответить за свои ошибки. Задумываясь сейчас над случившимся, я даже не могу себе представить, как я вообще…

Клоули не обращал на него внимания. Его взгляд был направлен на Шилдинга.

— Большое спасибо, Файрмур, — сказал Шилдинг с явным облегчением. — Вы действительно должны понести ответственность за все случившееся. Но с виновным нельзя разделаться одним махом. Во всяком случае, ваше энергичное вмешательство говорит в вашу пользу.

Казалось, эти слова не произвели большого впечатления на Файрмура. Клоули продолжал смотреть на Шилдинга и тоже не обращал внимания на Файрмура.

— Немедленно свяжитесь с первым центром оповещения! — сказал Клоули твердым голосом.

Шилдинг поспешно уселся на свое место.

— Охрана войдет с минуты на минуту. Ну, господа, — сказал он, — настала пора принимать меры: мы должны поскорее устранить нанесенный нам вред. Кроме того, нам нужно заняться персональными обвинениями против соучастников.

Стулья со скрипом задвигались.

— Немедленно свяжитесь с первым центром оповещения, — повторил Клоули.

Шилдинг не удостоил его взглядом.

— Мне кажется, вы должны сделать это, — сказал один из членов Комитета.

Шилдинг автоматически собрался было подчиниться требованию, но затем резко выпрямился, внезапно сообразив, кто произнес приказ.

Это был Конджерли, и слова его прозвучали в категоричной форме.

Конджерли и Темпельмар уже стояли. Их прямая, уверенная осанка свидетельствовала о выправке солдат, абсолютно уверенных в своем деле.

Внимание остальных членов Всемирного Комитета немедленно переключилось от Клоули и Файрмура на этих двух мужчин, действия которых расценивались в другом ракурсе.

Шилдинг мгновение молча смотрел на них,

будто вовсе не знал, кто они такие. Затем он неожиданно повернулся и быстро нажал переключатель на приборном пульте.

На стене засветился один из субтронных экранов.

На них смотрел мужчина в черном мундире.

— Первый центр оповещения находится в руках Слуг Народа, — сообщил он, в его голосе слышался какой-то незнакомый акцент.

Шилдинг мгновение молча смотрел на экран, потом нажал другой переключатель.

— Солдаты Слуг Народа овладели этим центром, — сказал другой мужчина в черном мундире тем же тоном.

Шилдинг, еще не веря в случившееся, застонал, его пальцы механически, растерянно тыкались в пульт, включая цепи связи, ведущие в Опаловый Крест.

И на большей части экранов появились солдаты в черных мундирах.

Члены Всемирного Комитета быстро установили, что мужчины в черных мундирах воцарились не только на телеэкранах, но и во плоти в этом зале Опалового Креста, ворвавшись сюда и направив свое оружие на собравшихся за столом.

Возможно, это из области иллюзий, но фигуры

Темпельмара и Конджерли вдруг выросли.

— Да, — сказал Конджерли, и в его голосе появился странный дружеский оттенок. — Ваше правительство или то, что вы называли правительством, отныне находится в надежных руках Слуг Народа. Выводы Клоули давно должны были привлечь ваше внимание, но вы не удосужились серьезно разобраться в них и нам даже удалось представить их не заслуживающими доверия. Поэтому такой обман стал необходим. Вторжение действительно состоялось, и оно в интересах всех миров, и ваш мир тоже извлечет пользу из него. Вторжение происходит из времени, через мост, который связывает наши миры друг с другом. Предмостное укрепление в вашем мире уже создано. Вы можете сами убедиться, что это предмостное укрепление находится на месте вашего главного штаба.

Клоули ничего не слышал. Его взгляд был прикован к фигуре, приближающейся к столу. Шилдинг, Файрмур и несколько других членов Всемирного Комитета тоже уставились на нее. Это была вторая нереальность, имевшая место в течение этих нескольких минут.

Человек был одет в черный мундир, и сверкающие погоны свидетельствовали, что он занимал

высокий пост. Детали лица словно дублировали черты лица Клоули: да, на губах играла та же характерная для него сардоническая улыбка.

Оба Клоули прямо смотрели друг на друга. Никто не смог бы определить, когда началось это противоборство, но теперь, глядя на них, каждый присутствующий чувствовал — происходит дуэль.

Взгляд Клоули стал твердым, как сталь. Казалось, он сконцентрировал все физические и духовные силы, его двойник слегка дрогнул, будто получил удар. Улыбка застыла в уголках рта, взгляд сделался пронзительным.

Наступила мертвая тишина. Взгляды обоих Клоули словно скрестились. Никто ни на миг не сомневался — здесь происходит борьба, ставка в которой — жизнь.

Конджерли, наморщив лоб, шагнул вперед.

В это мгновение лицо Клоули-2 в черном мундире исказилось. Он отпрянул назад, будто стоял на краю пропасти, внезапно разверзшейся перед ним. Из его горла вырвался нечленораздельный крик, а правая рука рванулась к кобуре.

Когда он вынул оружие и навел его на своего соперника, по лицу Клоули скользнула победная улыбка.

Глава 13

В темной узкой пещере Торн короткими со свистом взмахами ножа отбивался от рычащей собаки. Собаки уже не рычали, а бешено выли.

Все же нож Торна достиг своей цели прежде, чем успела защелкнуться на его горле пасть собаки; острые клыки не успели впиться в тело Торна, и собаки отступили назад в проход.

Стук лап и когтей по каменному полу успокоили Торна: звери уже отступили ко входу в пещеру. Он опустился на корточки и задумался о своем теперешнем положении.

Теперь Торн, конечно, понял, что совершил непростительную ошибку, когда вошел в пещеру, не разведя предварительно костра у входа. Тогда он мог бы, по крайней мере, воспользоваться своей пращой.

При спуске со скалы Торну не удалось обнаружить ни малейшего признака присутствия этих зверей. Ему нужно было непременно еще раз обыскать эту пещеру, чтобы убедиться, не создал ли Торн-3 здесь каких-либо запасов еды или оружия. В первую очередь пищи, поскольку вечерняя охота с Даркингтоном не принесла успеха.

Торн раздумывал, придет ли сюда Даркингтон помочь ему. Едва ли на это можно рассчитывать — ведь маленький, энергичный парень только к вечеру вернется с охоты. А там надвигается темная ночь, станет ли рисковать охотник своей жизнью и спускаться по склону, чтобы помочь человеку, которого считает полусумасшедшим.

Торн много рассказывал ему об альтернативных мирах, в которых цивилизации не уничтожены. Даркингтон всю эту информацию рассматривал как «сны», и Торн в конце концов смирился с таким положением, ибо не хотел легкомысленно разрушить в нем остатки доверия.

Кроме того, Даркингтон сам был немного сумасшедшим. Долгие годы одиночества не прошли для него бесследно, и за это время он приобрел привычки, которые не так легко изживаются. Хотя он постоянно мечтал о товарище, но когда такой товарищ неожиданно появился, он понял, что такое обстоятельство означает для него большие изменения в образе жизни.

Что-то вонзилось в левый бок Торна. Его правая рука все еще сжимала нож, а левая тем временем ощупывала раненое место. Он нащупал маленький странный предмет, сопровождавший его в путешествиях в различные миры.

Он в сердцах оттолкнул предмет в сторону. Уже достаточно потрачено времени на попытки иметь для себя представление о назначении этой штуки. Она была такой же бесполезной, как, например, развалины небоскребов там, наверху.

Он слышал, как предмет покатился по полу и остался лежать в маленьком углублении.

Очевидно, сидевшие у входа в пещеру собаки тоже услышали звук: они начали рычать и фыркать, будто переговариваясь между собой.

Торн готов поклясться, что среди этого множества звуков прозвучало несколько человеческих слов. Мысль, что он охраняется в этой пещере стаей кошек и собак, была очень неприятной.

Вдруг Торну показалось, будто кто-то тихо называет его по имени.

Торн скорчил гримасу, конечно, такие представления могли существовать только в его воображении. Но призыв, где звучало его имя, стал интенсивнее и проник в самое сознание.

Кто может судить, какие мысли приходят в голову человеку, который зажат в тиски, исключающие всякий выход?

Торн попытался убедить себя, что все это результат нервного перенапряжения и продукт воображения. Может быть, непосредственная

опасность могла помочь снова переместиться в другое тело? Но это, разумеется, не обязательное условие, даже, скорее, невероятное.

Он мельком подумал о том, что до сих пор каждое подобное перемещение переносило его во все более худшие миры. Теперь он на самом дне, из этой ситуации ему вряд ли вырваться, если никто не придет на помощь извне.

Он не пожелал бы никому другому оказаться в такой ситуации, но, конечно, он ухватился бы за любой шанс к спасению, если бы подобный ему представился.

И опять ему показалось: какой-то голос, будто сквозь сон, позвал его по имени.

Он хотел знать, какая судьба постигла остальных Торнов. Торн-3 в Мире-2? Кто погиб во время обмена или кого Слуги Народа в последний момент оставили в живых?

Торн-2 в Мире-1? Торн-1 в Мире-3? Такой пасьянс — неразумная игра богов, лишенных рассудка.

И тем не менее он имеет дело с сумасшедшей Вселенной. Разве все его научные исследования не подтверждают этот вывод?

Лозунг темного средневековья, значит, правильный: есть змеи, подгрызающие корни

Мирового Игдраэшла!

В течение трех дней Торн познакомился с тремя различными мирами, и ни один из этих миров не был совершенным.

Мир-3 — поле руин — результат субтронной войны.

Мир-2 стал ареной безответственных тиранов и угнетателей людей, всем сердцем мечтавших о свободе.

Мир-1 был своего рода утопией совершенных людей, лишенных настоящих духовных ценностей, и существовал исключительно благодаря благоприятным обстоятельствам.

Три различных мира. Торн вздохнул.

Эта последняя мысль, наверное, вызвала в нем силы, о существовании которых он даже не подозревал. Его мысли вдруг приобрели беспредельную силу. Будто он в один миг научился обслуживать какие-то незнакомые ему машины.

От входа в пещеру донесся тихий шум. Он пробудил его, напомнив ему о его труднейшем положении. Шум скорее походил на звук шагов и стук когтей по каменному полу. Торн напряженно прислушался, но шум не повторился. Он невольно крепче сжал рукоятку ножа. Может, это животные решились перейти в нападение? Если

бы в этой проклятой темноте можно было что-то различить…

Вспыхнуло желтое пламя — вдруг неожиданно разгорелся костер; языки пламени скользнули по стенам тесной пещеры.

Отблески света упали на собаку и кошку, сидевших рядышком в проходе и, вероятно, приготовившихся к нападению.

Они, как вкопанные, уставились на огонь. Собака, скуля, отбежала на несколько метров, а кошка зашипела на огонь.

Словно выполняя приказ Торна, огонь расширялся, заставив отступить кошку. Поначалу она оставляла свою позицию медленно, с неохотой, но затем вынуждена была сдаться. Она повернулась и заспешила к выходу, откуда доносилось рычание и фырканье остальных зверей.

Торн подумал о дневном свете, пламя, будто компенсируя солнечные лучи, стало ярче. Торн медленно протиснулся по проходу: путь к выходу он преодолел намного легче.

Проход стал выше и шире. Торн, почти добравшись до начала пещеры, услышал стук камней.

Пламя тем временем приобрело белый цвет и находилось в центре пещеры.

Торн немного наклонился вперед.

В это мгновение пламя погасло, а в руке у него внезапно оказался маленький серый предмет, который он потерял несколько минут назад.

Теперь Торн не чувствовал себя чужим, непонятным существом. Этот маленький предмет воспринимался Торном как его личная собственность, частица его самого: Торн подчинялся ему, как мускулы подчиняются нервной системе. Торн обретал свое второе тело.

От сознания возможности обладать такой огромной властью у него закружилась голова. Все расплывалось перед глазами: правда, такое состояние длилось всего лишь мгновение. Этот маленький предмет в руке вселял неистощимую силу.

Торн почувствовал себя Творцом.

Теперь в его власти было совершать любые поступки: он мог куда угодно идти, создавать любые приборы, мог изменить мир, впрочем, он мог его даже уничтожить.

А потом пришел страх.

Он испугался, что эта вещь необыкновенно точно следовала за его основной, первостепенной мыслью; могла определить и мысли второстепенные. Ни один человек ведь не в состоянии долго контролировать свои мысли. Некоторые люди

случайно, но думали о смерти, о катастрофах, даже о самоубийстве.

Маленький серый предмет становился вдруг неожиданно опасным.

Что же Торну предпринять?

В конце концов, и у этой штуки должны быть определенные границы возможностей. Очевидно, эта вещь следит за ходом его мыслей. Он не должен совершать поступков, непонятных ему, как, положим, переделывать конструкцию субтронной машины.

Или?..

Торн впервые попытался немного привести в порядок свои мысли, одолевавшие его со всех сторон.

Его духовная сущность, по-видимому, совершенно изменилась. Подсознание стало вдруг чем-то более реальным, а не непроницаемым серым экраном. Теперь он в состоянии достигнуть мира мыслей других Торнов.

Он почувствовал, как один из этих других Торнов возложил на него определенную задачу.

Это неожиданное задание потрясло его, и Торн даже вздрогнул.

Он бросил последний взгляд на Мир-3 — на покрытые снегом и льдом равнины и холмы с

причудливыми обломанными вершинами деревьев.

Потом все это исчезло под слоем плотной вуали, и Торн мгновенно оказался в непроницаемой тьме, где был только мир мыслей. И эти мысли обладали мощной силой.

В этой абсолютной тьме нет ни пространства, ни измерений в их обычном смысле. Здесь царит бесконечность космоса, и только сила мыслей могла преодолеть эту бесконечность.

Нет такой тьмы, в которой не появился бы проблеск света, но в этой тьме все подавляла власть мыслей и иллюзий.

Еще не осознав внезапной перемены, Торн почувствовал, что теперь в его личности объединились все три Торна.

Он бросил взгляд в три различных мира: теперь, конечно, уже не играло роли, произошли эти изменения одновременно или последовательно.

Находясь в суровой атмосфере Мира-3, он узнал, что нужно много терпения, чтобы примириться с условиями жизни, где действует право сильного. В таком космосе каждый борется против соперника, а победа дается с трудом только отлично подготовленным особям.

В Мире-2 Торн почувствовал бесчеловечность,

порой скрытую в людях, надменность и заносчивость малой группы людей, сумевших деспотическими методами угнетать целый мир, превращая остальных людей в безвольных рабов. В этом мире господствовали надменность и готовность к самопожертвованию.

Торн жил в Мире-1, в мире, где личная свобода людей считалась само собой разумеющейся, где особенно выделялись человеческие слабости и наклонности. Этим людям нет надобности на что-либо жаловаться, ибо природа наградила их всем, предоставив все, что они желали.

Все знания о каждом мире теперь были соединены воедино в его мыслях. Представления не противоречили друг другу, но и не представляли монолитное целое. Здесь отсутствовала зависть, чувство вины. Каждое представление о предмете исходило из всеобъемлющего понимания и возникало, исходя из целесообразности для будущего. Так размышляли трое различных людей, объединенных в нем в единое целое. Был только один Торн, переживший три различные судьбы: его детство воплощало развитие всех трех его сущностей, правда, до того, как произошли изменения хода времени.

Торн оказался вне времени и пространства

только благодаря чудесной силе своего Талисмана: он чувствовал, что его личность теперь обладает неожиданными способностями. Вдруг ему пришло в голову, что он до сих пор пробирался по жизни на ощупь, как слепой; только теперь он смог понять и оценить по-настоящему значение своего предыдущего жизненного опыта.

И теперь не было никаких колебаний и никакого давления со стороны Торна-2, ибо Торн-2 больше не существовал как отдельная личность. Он вспомнил слова, что прошептал ему Октав в кабинете Голубого Лорена, когда Талисман дал ему силы оттянуть смерть. Он вспомнил до мельчайших подробностей каждый слог этой достойной обдумывания информации.

Торн подумал о первом совете: разыскать Генератор Вероятностей. Он почувствовал, как Талисман контролирует его мысли, и доверился его направляющей силе без сопротивления.

Торн молниеносно пронесся через пространство и время, однако ему казалось, что он стоит на месте, будто вообще не заметно никакого движения. Он понимал, что кое-что здесь созвучно ему.

А потом…

В этой тьме запульсировала сила бесконечной величины. Такая сила могла сотрясти все

миры, разрушить их. Эта пустота, возникшая от неправедных мыслей, содрогалась под непосредственной силой настоящего творения, ибо только такая сила была исходной точкой опоры для всех действительностей и реальностей.

Торн почувствовал присутствие семи других существ, собравшихся вокруг центра, из которого исходила пульсация. Все семеро внешне выглядели людьми, как и он, но у них отсутствовал опыт, как у Торна, побывавшего в трех мирах. Эти семеро, находившиеся здесь, еще больше увлечены лишь собственной персоной, чем Слуги Народа в Мире-2. Они считали себя богоподобными существами, но и все слабости людские были присущи и им. Их незнание реальности доходило до абсурда, но при чудовищном опьянении властью им этот факт не приходил в голову.

Пред взором Торна замелькали в быстрой последовательности разнообразные картины прошлого. Семеро существ настолько углубились в разглядывание этих картин, что даже не замечали присутствия Торна.

Появился Мир-2. Вокруг длинного стола в Зале Слуг Народа собрались одиннадцать старцев. Со всеми признаками удовлетворения они внимали сообщениям об успешном ходе вторжения. Давно

лелеемые ими планы исполнились!

Кадр увеличивался и стал отчетливее: теперь уже можно разглядеть длинный поток вооруженных субтронным оружием солдат, втекающий в высокое здание Опалового Креста. Видны отдельные лица, на которых наряду с выражением абсолютной покорности запечатлен неприкрытый страх.

В следующее мгновение виден Мир-1, интерьер Небесного Зала в Опаловом Кресте, где, как в гигантском муравейнике, сновали люди в черных мундирах.

Экран быстро отключили, как будто этим семи существам не понравился такой взгляд на мир — они предпочли бы свой собственный.

В форме панорамы возник Мир-3. Картина охватывала тысячи миль: повсюду видны ужасные руины погибшей цивилизации. Это и ледяной мир Антарктиды, однотонность которого иногда скрашивалась вздымающимися валунами.

Но все картины — лишь начало повествования.

Отчетливо проступили результаты ранних изменений хода времени. Возник мир, где предрасположенные к телепатии мутанты вели ожесточенную войну против существ, научившихся

скрывать свои мысли с помощью защитного экрана.

Там был и другой мир, где человеческими существами правила иерархия людей в багряных робах.

В одном из других миров имелась малочисленная группа владеющих гипнозом телепатов, советам и желаниям которых безусловно следовали остальные существа, будто они жили во сне.

И снова другой мир. Здесь уже присутствуют атомные силы и царит феодальная система с бесконечными войнами. Воспоминания о правопорядке и братстве людей сохранились лишь в некоторых уединенных монастырях, не имеющих никакого авторитета.

Мир как микрокосмос. Люди расщеплены на семьи или небольшие группки: цивилизацией считался обмен мыслями на социальные темы, организованный время от времени властями.

Мир, где существование людей находилось под угрозой, вся работа выполнялась специально созданными роботами.

Мир, в котором люди порабощены роботами, ими же созданными.

Мир, в котором жили только две большие нации, находившиеся в состоянии жестокой войны

друг с другом. Ни одна не могла победить, но ужасная война продолжалась, ибо каждая нация опасалась, что принесенные уже жертвы могут оказаться напрасными.

Мир, поставивший перед собой цель покорить космос.

Мир, в котором мысли людей заполнены новой, великой религией. На вершинах гор проводятся странные церемонии, и только немногие, не признавшие эту религию, лишь смиренно покачивали головами.

Мир, где не было ни городов, ни технических устройств. Люди облачены в лохмотья и ведут предельно примитивное существование.

Скудно заселенный мир, преимущественно с небольшими городками. Лица этих людей озабоченны — они стоят на пороге нового развития.

Мир, состоящий лишь из небольшой группы метеоритов, непрерывно движущихся по своей круговой орбите вокруг Солнца.

— Мы видели достаточно!

Торн уловил в мыслях Прима чувство вины.

Поток кадров прекратился, воцарилась абсолютная тишина, в которой жили только мысли. Через некоторое время Торн воспринял следующую мысль Прима. Очевидно, во время паузы

Торн вновь обрел самоуверенность.

— Мы увидели наши ошибки, но эти ошибки поправимы, наши мысли — или, по крайней мере, некоторые из нас — неточно передавали Генератору Вероятностей многие наши намерения. Все существующие миры должны быть уничтожены. Оказалось на деле, что они были лишь затемнены и исчезли из поля зрения оператора. Поэтому наш следующий шаг, естественно, определен. Секонд, твое мнение?

— Абсолютное уничтожение! За исключением мира главного ствола! — немедленно пришел ответ.

— Терс?

— Уничтожение!

— Карт?

— Сначала мир вторжения, потом все остальные. И быстро!

— Кент?

— Может быть… Нет! Уничтожение!

Торн с ужасающей отчетливостью осознал, что эти существа вообще не могут думать без предупреждения. С уверенностью фанатиков они зависели от ранее принятого решения. Все эти созданные ими миры стали теперь нежелательными для них, и поэтому старцы подтверждали

свое решение уничтожить все одним мимолетным движением руки. В остальных мирах они замечали только отклонения от жизни в мире главного ствола, которому они постоянно отдавали предпочтение. Их реакции непредсказуемы и истеричны, как у убийцы, который долго находился на месте преступления, потом вдруг рассмотрел, что жертва еще шевелится.

Торн собрал всю силу воли — он осознал теперь, что нужно делать.

— Сикст?

— Уничтожение!

— Септем?

— Уничтожение!

— Ок…

Когда Приму внезапно пришло в голову, что Октава больше нет? Именно в тот момент мысль Прима соединилась с мыслями остальных: чтобы провести уничтожение, темнота снова запульсировала.

Торн послал во тьму свой призыв.

— Кем бы вы ни были и где бы вы ни находились, вы, создавшие зло, знаете: делитель времени здесь, у нас Генератор Вероятностей!

Его призыв вибрировал при передаче, врываясь в миры как пронзительный крик.

Торн тотчас был атакован мыслями Прима и остальных старцев. Они пытались блокировать его, давить на него морально, потом уничтожить одновременно с мирами.

Пульсация тьмы усилилась и приняла форму ураганной бури, в результате чего мог сорваться с креплений даже Генератор Вероятностей. Зигзагообразная молния осветила часть ответвления миров; вскоре Мир-1 и Мир-2 были разделены, ибо мост вторжения обвалился.

Призыв Торна все еще разносился во тьме. Торн почувствовал, что его призыв о помощи подхвачен и принят каждым Талисманом и Генератором Вероятностей.

Разум Торна затуманился, и сознание покидало его.

Все действительности, видимо, находились на пороге бытия и небытия.

Вдруг ураганный шторм стих, а наступающая тишина шла из вечности, если ее не было здесь с давних пор.

Старцы отдавали глубокое почтение Торну, теперь они выглядели не более как маленькими мальчиками, преклонившими колени в высоком соборе и едва ли осмеливавшимися поднять глаза на священника.

Что-то изменилось — точнее нельзя определить, однако они чувствовали, что это свершилось.

Потом через тьму потянулись мысли. Мощные, величавые мысли, из которых они могли постичь лишь малую часть. Но эта, пусть маленькая, доля информации была совершенно понятной.

Глава 14

Поиски нашего Генератора Вероятностей и каждого относящегося к нему Талисмана продолжаются до сих пор. Мы вели эти поиски всеми имеющимися у нас силами, прекрасно сознавая опасность злоупотребления этим прибором.

Мы сконструировали множество подобных Генераторов, надеясь привлечь их на помощь нам в поисках, но затем разразилась катастрофа в космосе, которая дала основания полагать, что Генератор с Талисманами попал в ваш поток энергии и на вашу планету. Но мы не могли проверить эту информацию до конца. Конечно, мы могли бы создать экран действительности, но это предусматривало бы фактор бесконечности, поэтому мы вынуждены были оставить подобную мысль.

Теперь все миновало.

Я не хочу пытаться передать вам наши соображения и обрисовать наш внешний вид. Вам достаточно знать, что мы властелины совсем другого космоса, энергетические свойства которого сильно отличаются от ваших.

Что же касается Генератора Вероятностей, то

он никогда не создавался для такого применения, какое продемонстрировали вы. В принципе, это своего рода вычислительная машина, рассчитывающая результат действия множества известных факторов, предварительно тщательно взвешенных. Она расположена за пределами границ времени и пространства, чтобы по возможности точнее анализировать отдельные факторы, не подвергаясь влиянию течения времени. Если возникнет проблема, открывающая различные возможности, то мы с помощью машины моделируем многочисленные варианты в целях принятия соответствующих мер. Таким образом мы исключаем все случайности.

Обратите внимание, мы позволяли машине демонстрировать только результат какой-либо возможности, не реализуя саму возможность.

Но ведь не существует машин, полностью защищенных от дураков. Но факт есть факт Генератор Вероятностей никогда не создавался для создания реальных миров. Это, конечно, не исключает возможности использования его творческого потенциала в действительном мире, если его напичкать соответствующими мыслями.

Как бы преподнести это вам понятнее?

Ход ваших мыслей доказывает мне, что вы

стоите еще на таком уровне развития, когда используются транспортные средства на колесах. Такие машины приводятся в движение двигателями внутреннего сгорания, и мы знаем о них, получая информацию из некоторых остальных миров нашего космоса. Такую машину вы рассматриваете только как средство передвижения. Но подумайте, что могло бы случиться, попади такое средство в руки технически неразвитого человека вашего космоса. Возможно, он узрел бы в нем своего рода оружие, которое можно как-то использовать в войне. Вы могли бы снабдить такую машину какими угодно предохранительными устройствами, но это не помешало бы ему использовать ее по его усмотрению.

Когда вы обнаружили Генератор Вероятностей, вы находились в подобном же положении. К сожалению, машина совершенно не была оборудована защитными средствами, когда исчезла из нашего космоса. Теперь я вижу, как много попыток вы предприняли за это время, и некоторые из них имели совершенно невероятные результаты. Вы в действительности создали альтернативные миры.

Тем самым вы превратили функцию Генератора Вероятностей в ее прямую противополож-

ность. Мы сконструировали его для того, чтобы исключать все подобные возможности, вы же, напротив, на самом деле вызвали к жизни эти нежелательные процессы. Тем самым вы создали миры, где был едва ли минимум возможностей для существования, причем такие миры никогда не возникли бы из вашего мира естественным путем. В нормальных условиях от вас можно было бы ожидать большей осмотрительности действий, вами предпринятых. Вы должны были бы предвидеть последствия. Вместо этого вы навязали Генератору Вероятностей свои мысли и свою волю, и развитие вашего собственного мира опередило вас, а вы даже не заметили такого явления.

Генератор Вероятностей не способствовал, конечно, вашему духовному развитию. Он, скорее, помешал ему, поскольку дал вам власть только посмотреть на то, что вы желали увидеть.

Вы всегда должны были помнить, что это лишь машина — превосходный слуга, но не воспитатель. Образцовые слуги и без того самые скверные воспитатели. Генератор мог бы, возможно, содействовать вашему развитию. Но вы предпочли вести себя так, словно вы подобны богу: вы проводили эксперименты, используя то,

что совершенно были не в состоянии понять. В качестве богов вы присвоили себе право судить, благословлять и проклинать. В конце концов вы оказались перед опасностью уничтожить больше, чем намеревались вообще. Это привело бы к плохим последствиям, которые достигли бы и вашего космоса.

И что же нам теперь делать со всеми вашими мирами, живые создания, маленькие существа?

Вполне очевидно, что нельзя больше оставлять Генератор Вероятностей в ваших руках, мы должны изъять у вас каждый Талисман, ибо представление власти превышает все границы вашего воображения. Созданные вами миры, конечно, нельзя уничтожить ни в коем случае, мы на это не пойдем. Все миры и все люди, которым была дарована жизнь, должны иметь возможность продолжить свое существование. Если бы эти изменения хода времени состоялись недавно, то мы, возможно, приняли бы меры исправить их, но все зашло слишком далеко, чтобы вылечить такие миры.

Мы могли бы остаться здесь, у вас, и держать в поле зрения отдельные фазы развития, чтобы время от времени вмешиваться и вносить необходимую корректировку для ускорения процесса

развития. Но ведь дело не в том, чтобы стать здесь богами. В этом отношении у нас есть уже плохой опыт; мы придерживаемся мнения о необходимости совершенно самостоятельного развития и стремления вверх собственными силами.

Мы могли бы остаться здесь и провести различные эксперименты, причем мы шли бы уже проторенными путями и использовали бы испытанные средства. Но это тоже нецелесообразно.

Итак, маленькие существа, у нас нет другого выбора, кроме как отнять у вас Генератор Вероятностей и оставить ситуацию такой, какой вы ее создали, чтобы все могло развиваться соответственным путем. Отсюда не исключена возможность вторжения из времени и межзвездных войн. Все покажет будущее. Все трудности и нужды существуют в действительности, но каждый отдельный индивидуум должен иметь возможность беспрепятственно стремиться к тому, чтобы решать свои проблемы по-своему. Будущее открывает многообещающие перспективы подобного развития, так как, насколько мы знаем, во всем космосе существует только один такой разнообразный мир, как ваш.

Мы будем с особым интересом наблюдать будущее этого мира и всем сердцем надеемся

поприветствовать однажды вас в Великой Лиге всех разумных существ.

Возможно, в будущем вы определите это как ошибку, допущенную нами, — что Генератор Вероятностей попал в ваши руки. Обратим особое внимание на то, что утеря Генератора больше никогда не повторится. Но кое-что должно постоянно оставаться у вас перед глазами. Вы еще юная и примитивная раса, но вы уже не дети, а совершенно ответственные люди. Ключ к вашему будущему в ваших руках. Если произойдут какие-то ошибки, вся вина за них ляжет на вас самих.

Вместе с индивидуумами, ответственными за создание призрачных миров, я разделяю понимание, ибо все же полагаю, что большинство из вас были воодушевлены добрыми мотивами и намерениями. Но вы возносили себя до роли богов и, как боги, должны сполна ответить за свои действия.

И сейчас мы переходим к важной части заявления — к решению вопроса о вашей судьбе.

В твоем случае, Торн, конечно, все совершенно иначе. Ты позволил себе услышать наш призыв взять Талисман и, наконец, своевременно позвать нас для предотвращения катастрофы буквально в последнее мгновение. Мы благодарны тебе за это.

Мы могли бы вырвать тебя из твоего обычного окружения и поместить в нашу сферу. Но это был бы шаг, о котором, в конце концов, ты пожалел бы сам и, возможно, даже проклял бы нас. Мы не можем оставить тебе Талисман, поскольку достаточно скоро может оказаться — имея в виду длительный срок владения Талисманом, — что ты тоже вряд ли сможешь применить свою силу лучше, чем другие представители твоей расы. Для нас было бы желательным оставить тебя в теперешнем состоянии тройной личности — тем самым для нас открываются совершенно новые и интересные перспективы. Но и этого не должно быть: в трех различных мирах ты имел три совершенно разные судьбы. Все же мы готовы на своего рода компромисс — позволить тебе сохранить все лучшие способности твоей тройной личности.

А теперь, маленькие существа, мы вас покинем.

* * *

Из множества небольших укрытий в ближних и дальних окрестностях Опалового Креста появлялись люди, чтобы формироваться в маленькие армии. Другие прибывали по воздуху на своих летательных аппаратах, дабы тоже присоеди-

ниться к ним.

Лишь изредка можно было увидеть несколько мундиров космической службы. Среди этих людей находились и некоторые саботажники из Мира-2, которым Торн-2 в последнюю минуту дал возможность бежать из своего мира.

Воздух был насыщен едкими кислотными парами. Из разных мест вырывались белые облачка дыма — там, где Земля была опалена во время битвы субтронным оружием.

В ближайших окрестностях Опалового Креста виднелись свежие следы гигантских машин и транспортных средств. Когда-то зеленые газоны представляли картину опустошения. Даже крохотные здания не пощадили. Воздух, казалось, все еще содрогался от чудовищного грохота огромных летательных аппаратов.

От всей армии вторжения не осталось ни одного солдата.

* * *

В Небесном Зале Опалового Креста члены Всемирного Комитета пустыми глазами взирали перед собой. Только лежащие на полу останки тела Клоули напоминали о том, что здесь разыгралось.

Двойник Клоули исчез вместе с другими фигурами в черных мундирах.

Шилдинг, видимо, первым переборол шок: он повернулся к Конджерли и Темпельмару.

Теперь они уже не казались больше роботами, уверенными в своей победе. Но они не выглядели и завоевателями в ловушке. Их лица заметно изменились, и по отдельным характерным признакам Шилдинг понял, что время маскарадов миновало: в этот зал вернулись настоящие Конджерли и Темпельмар.

Файрмур истерически захохотал.

Шилдинг опустился на стул.

* * *

В Мире-2 на том месте, где только что стояло гигантское здание Опалового Креста, теперь зияла глубокая пропасть, из которой поднимались клубы черного дыма. Вся армия вторжения со всем ее оружием и техническими средствами исчезла в этой дымящейся пропасти. Картина — видение ада.

На одной стороне пропасти вырисовывался раздробленный остов трансвременной машины. Отдельные металлические части и крепления создавали беспорядок опустошения. Воздух все

еще раздирали пронзительные звуки, и над пропастью завывал ураганный ветер.

Черный ворон кружил над извергающимся вулканом; на фоне этой картины бежал Клоули. Даже при виде полного опустошения и под действием шока трансвременной машины его не оставляла мысль, как другой Клоули пытался убить его. Своим поведением он вынес сам себе смертный приговор и сделал возможным мгновенный обмен.

Теперь он навеки связан с Миром-2 и вынужден жить в теле Клоули-2. Но ему теперь открылось и сознание Клоули-2, поскольку его дух не мог долго препятствовать этому. Тем самым он стал почти равноправным жителем того мира. Он понял, где находится, знал, что ему теперь делать, и у него не оставалось времени для сожаления.

В относительно короткий срок Клоули достиг высокого здания и нашел вход в Зал Слуг Народа.

Одиннадцать старцев выглядели неуверенными в себе, какими-то надломленными личностями. Они все еще находились под впечатлением сообщений об абсолютном поражении.

Узкие губы председателя дрожали.

— Я всегда предупреждал вас, Клоули, что ваши необдуманные действия когда-нибудь приведут

к вашему концу. Вы почти полностью ответственны за такое неожиданное поражение. В общем, вполне возможно, что вы в результате своего безответственного поведения дали повод арестованному Торну предупредить другой мир о предстоящем вторжении. Мы пришли к решению стереть вас. — Он остановился и после паузы, помедлив, продолжил: — Прежде чем исполнится приговор, мы хотим все же дать вам возможность сказать что-нибудь в свою защиту.

Клоули едва сдержал улыбку. Он знал подобные сцены, которые, вернее всего, брали истоки еще из мифов. Непосредственно перед «сумерками богов» боги пытались все свои неудачи свалить на Локи и, запугав его, надеются таким образом заставить его найти выход из дилеммы.

Это блеф Слуг Народа. Разыгрывая из себя судей, они на самом деле лихорадочно искали руку помощи.

Клоули видел, что находится здесь в своем мире — это был мир приключений, мир, о котором он давно мечтал. Этот мир полностью соответствовал его характеру. В таком мире он мог играть тайную роль предателя, он мог внешне поддерживать дело Слуг Народа и одновременно сводить на нет все будущие их планы вторжения.

В данном мире он мог крепко держать в руках нить судьбы.

В уголках его рта опять заиграла необъяснимая улыбка, и он шагнул вперед, чтобы ответить на обвинение Слуги Народа.

* * *

Торн находился в космической тьме, он каждое мгновение ждал, что его тройная личность снова будет разделена. Он понимал: настоящие владельцы Генератора Вероятностей дали ему передышку, чтобы он вышел на лучшее решение стоящей перед ним проблемы.

И он уже нашел это решение!

С этих пор три Торна через некоторое время должны обмениваться телами, тогда каждый из них поймет и изопьет до дна и счастье, и несчастье соответствующего мира. Предвидится странное существование: неделя свободы и привольной жизни в Мире-1, неделя в деспотии и ненависти Мира-2 и, наконец, неделя в суровом, неумолимом Мире-3.

При этом, конечно, не происходило все гладко: как отдельные личности эти три Торна, конечно, хотели бы уклониться от такой судьбы, но каждый из троих вспоминал соответствующие

мгновения и находил необходимые силы для выполнения приговора.

Да, странная судьба, подумал Торн снова, почувствовав, как его тройная личность медленно разделяется.

Но действительно ли его судьба уж слишком отличается от судьбы обычной человеческой жизни?

Неделя в небе, неделя в аду и неделя в мире духов…

В семи различных мирах совершенно разного уровня развития озирались вокруг семь темных фигур, пораженные и подавленные, рассматривали они последствия своих творений.